

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»
Институт социально-гуманитарных наук
Кафедра «Социология и политология»

РАБОТА ПРОВЕРЕНА

Рецензент,

_____/_____
« ____ » _____ 2017 г.

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой,

к.психол.н., доцент

_____/Н.Г. Хвесьюк/
« ____ » _____ 2017 г.

Эволюция дискурса о России в работах Збигнева Бжезинского

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 41.03.04. 2017.13-016-1399. ВКР

Консультант,

_____/_____
« ____ » _____ 20 ____ г.

Руководитель, к.филос.н, доцент

_____/С.С. Логиновский/
« ____ » _____ 2017 г.

Консультант,

_____/_____
« ____ » _____ 20 ____ г.

Автор

студент группы СГ – 408

_____/Е.Р. Екимова/
« ____ » _____ 2017 г.

Консультант,

_____/_____
« ____ » _____ 20 ____ г.

Нормоконтролер, профессор

_____/В.Е. Хвоцев/
« ____ » _____ 2017 г.

Челябинск 2017

АННОТАЦИЯ

Екимова Е.Р. Эволюция дискурса о России в работах Збигнева Бжезинского. – Челябинск: ЮУрГУ, СГ – 408, 70 с., библиогр. список – 55 наим.

Цель исследования: изучение процесса эволюции представлений З. Бжезинского о России и ее места в мире.

Объект исследования: теоретическое наследие З. Бжезинского.

Предмет исследования: эволюция представлений З. Бжезинского о России и ее месте в мире. При написании выпускной квалификационной работы были применены такие методы, как историко-правовой, описательно-сравнительный, метод системного анализа, изучение научной литературы по теме исследования и нормативно-правовой базы.

Новизна исследования обусловлена в первую очередь тем, что автор пытался изучить современный образ России в мировом политическом пространстве, показать зависимость этого образа политическими взглядами З. Бжезинского.

Результатом исследования стали основные выводы о представлении образа и роли России в западном сознании, понимание взаимного видения России и США, которое необходимо учитывать при построении дружеского диалога и стратегического партнерства стран.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
СРАВНЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ПЕРЕДОВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	8
1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ З. БЖЕЗИНСКОГО И ЕГО ПРЕСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ И ЕЕ МЕСТЕ В МИРЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	
1.1 Общая характеристика политических воззрений З. Бжезинского.....	10
1.2 З. Бжезинский о России (СССР) советского периода.....	21
2 ПРЕДСТАВЛЕНИЯ З. БЖЕЗИНСКОГО О РОССИИ И ЕЕ МЕСТЕ В МИРЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	
2.1 Представления З. Бжезинского о России и ее месте в мире в период правления Б. Ельцина.....	31
2.2 Представления З. Бжезинского о России и ее месте в мире в период правления В.В. Путина.....	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	66

ВВЕДЕНИЕ

Отечественную политическую науку сегодня можно охарактеризовать ростом интереса к теоретическим вопросам. Это закономерно, поскольку за последнее время российская политическая наука получила значительный исследовательский опыт, которому необходимо теоретическое осмысление. Эволюция теоретических знаний происходит в тесной взаимосвязи с изучением современного состояния и тенденций развития зарубежной политической науки. Американская политическая мысль занимает особое место в этом процессе. На этапе становления отечественной политической мысли именно американская мысль и практика отождествляются с современными образцами развития политической науки в целом.

При этом, использование опыта американской политической традиции в контексте российской действительности, практика заимствования теоретических основ не всегда позволяла решать эффективно проблемы, возникающие в российском политическом пространстве.

Выпускная квалификационная работа посвящена анализу содержания образа Советского Союза, а в последующем России в политических исследованиях Збигнева Бжезинского. Данная тема недостаточно исследована в отечественной политической науке, хотя интерес к персоне Бжезинского, его теоретическим работам и политической деятельности весьма устойчив. Работы Бжезинского представляют собой синтез теорий американской политической мысли и активной политической практики на уровне высшего должностного лица США. Поэтому исследования Бжезинского объединяют в себе экспертное, аналитическое и прогностическое политические знания. Так же работы Бжезинского повлияли на видение места и роли Советского Союза и России в политической элите США.

Актуальность данной проблемы определяется практико-политическими условиями развития современной российской политической науки, а именно это проявляется в поиске нового качественного взаимодействия между Россией и США. Переход к стратегическому партнерству как определяющему элементу

межгосударственного диалога актуализирует проблемы взаимного восприятия обеими сторонами друг друга. Интеллектуальное и политическое наследие З. Бжезинского в этом контексте не только не утрачивает своего значения, а наоборот все более актуализируется.

Степень научной разработанности проблемы эволюции представлений З. Бжезинского о России и ее месте в мире на сегодняшний день изучена недостаточно высоко.

При проведении исследовательской работы, автор опирался на работы и научные исследования, публикующиеся в России. Личность и политические доктрины З. Бжезинского исследовались отечественными авторами такими как Н. Ефимов [22], Е. Кожакин [25], В. Поликарпов [34], Ю. Рустамов [35], Г. Трофимчук [36] и др. Большое количество информации было изучено в интернет источниках. Однако основой практической части выпускной квалификационной работы стали труды Збигнева Бжезинского, раскрывающие образ и роль России в мире с его субъективными взглядами.

Цель исследования: изучение процесса эволюции представлений З. Бжезинского о России и ее места в мире.

Объект исследования: теоретическое наследие З. Бжезинского.

Предмет исследования: эволюция представлений З. Бжезинского о России и ее месте в мире.

Задачи исследования:

- 1) Дать общую характеристику политическим воззрениям З. Бжезинского.
- 2) Изучить работы З. Бжезинского о России (СССР) и ее месте в мировом политическом пространстве в советский период.
- 3) Определить характер трансформаций представлений З. Бжезинского о России и ее месте в мировом политическом пространстве в постсоветский период при правлении Б. Ельцина.
- 4) Проанализировать представления З. Бжезинского о современной России и ее месте на политической арене при В.В. Путине.

Гипотеза: эволюция представлений З. Бжезинского о России и ее месте в мире определялась как объективными процессами, происходящими в России и мире, так и его субъективными взглядами.

При написании выпускной квалификационной работы были применены такие методы, как историко-правовой, описательно-сравнительный, метод системного анализа, изучение научной литературы по теме исследования и нормативно-правовой базы.

В качестве источников исследования представлены работы З. Бжезинского, которые позволяют выявить его основные теоретические воззрения и их эволюцию, а также его место в американской политической мысли.

Также интерес вызывают работы в соавторстве, т.к. они демонстрируют взаимное влияние теорий З. Бжезинского и его соавторов.

Важным элементом источниковой базы являются мемуары З. Бжезинского, что делает возможным представить исторический и политический контекст, в котором происходило формирование основных взглядов ученого.

В данной выпускной квалификационной работе использовались следующие методы исследования: анализ литературы, анализ нормативно-правовой документации по теме исследования, аналогия, индукция и дедукция, исторический метод, обобщение.

Новизна исследования обусловлена в первую очередь тем, что автор пытался изучить современный образ России в мировом политическом пространстве, показать зависимость этого образа политическими взглядами З. Бжезинского.

Результатом исследования стали основные выводы о представлении образа и роли России в западном сознании, понимание взаимного видения России и США, которое необходимо учитывать при построении дружеского диалога и стратегического партнерства стран.

Структура работы. Работы состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

СРАВНЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ПЕРЕДОВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анализ образа СССР и России и его эволюция в доктринах З. Бжезинского значительно отличается в американской и советско-российской политической мысли.

В зарубежных исследованиях важное значение приобретает холодная война, проблема взаимоотношений СССР и США. Развивается теория конвергенции двух систем, возникает ревизионизм как реакция на жесткую политику президента США Трумэна [47].

После распада Советского союза исследования в данной сфере представляют собой переосмысление ряда установок западной политической науки. Наблюдается неопределенность образа России, которая больше не воспринимается противником или полноценным партнером [54].

В отечественных советских исследованиях Бжезинский воплощает собой реакционный элемент американской мысли. В период Перестройки американская политическая наука предстает как эталон и образец политической науки, и происходит попытка заимствования американских исследовательских практик на российскую действительность.

Сегодня, заметна поляризация подходов ученых. Одни считают по-прежнему американскую политическую науку образцом, другие уверены, что необходимо развивать национальную политологическую науку, потому что американский опыт не применим к российской политической реальности [24]. При этом, по мнению Ю.С. Пивоварова «одновременное» присутствие американизма и антиамериканизма, наблюдаемое не только в работах российских политологов, но и в системе ценностей современного российского общества, представляет собой специфическую форму «самопознания» и «самоидентификации» [33].

В западной политической науке наибольший интерес получили труды о интегральной теории тоталитаризма, сравнение капиталистической и социалистической систем, изучение проблемы принятия политических решений в

СССР («Political Power USA/USSR» совместно с С. Хантингтоном), разработанная им теория сосуществования двух блоков («селективное сосуществование») и теория развития социалистических систем [12].

В советской науке привлекают внимание теории З. Бжезинского о конвергенции и тоталитаризме. Ассоциация тоталитаризма и социализма была воспринята как антинаучные и пропагандистские домыслы. Теория развития социалистического блока, по мнению советских ученых, не учитывала объективных успехов и результатов данного политического блока.

В современной российской политической науке основное внимание уделяется: теории глобального лидерства США и системе однополярного мира, а также необходимости российскому руководству противодействовать агрессивной Западной политике.

1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ З.БЖЕЗИНСКОГО И ЕГО ПРЕСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ И ЕЕ МЕСТЕ В МИРЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1.1 Общая характеристика политических воззрений З. Бжезинского

Збигнев Казимеж Бжезинский родился в Польше, в городе Варшава в 1928 году. Из-за того, что родители Збигнева работали в польской дипломатической службе, в 1938 году совместно с ними переехал в Канаду. В 1950-х годах переехал в США, в 1958 году получил американское гражданство. Построил политическую карьеру в США, большое внимание уделял изучению феномена СССР, называя его неизбежным геополитическим противником Запада.

Збигнев Бжезинский является ведущим геостратегом внешней политики Соединенных Штатов Америки XX века, бесспорно считается влиятельным представителем политической элиты США.

Его называют лучшим врагом СССР. Бжезинский прославился своим острым умом, способностью безошибочно выявлять болевые точки противника, чувством личного превосходства, а также чисто польским обаянием и польской подозрительностью ко всем русским вещам.

Он является создателем глобальной стратегии антикоммунизма (первым предложил объяснять события в социалистических странах с позиций концепции тоталитаризма), теории технотронной эры и концепции американской гегемонии нового типа. В 60-х годах XX века занимал пост советника в администрациях президентов США Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. При этом всегда придерживался жёсткой позиции по поводу СССР.

Важно подчеркнуть, что в период 1973-1976 годы Бжезинский был директором «Трехсторонней Комиссии». А позднее неоднократно «озвучивал», решения как этой структуры, так и «Бильдербергского клуба».

Расцвет политической деятельности произошел в конце 70-х годов XX века, когда занял пост советника президента Джимми Картера по вопросам национальной государственной безопасности. В этот период был активным

сторонником секретной программы Центрального разведывательного управления США по включению СССР в дорогостоящий военный конфликт в Афганистане, о чём после ввода советских войск в Афганистан написал президенту Картеру: «Теперь у нас есть шанс дать Советскому Союзу свою Вьетнамскую войну» [19].

Благодаря инициативе Бжезинского, во время войны осуществлялась продажа афганским моджахедам современного американского оружия, которые оплачивал самый известный в мире террорист Усама бен Ладен.

В 1988 году он являлся сопредседателем Консультативной группы по национальной безопасности в команде Джорджа Буша-старшего.

В период президентства Билла Клинтона Бжезинский стал создателем концепции расширения НАТО на Восток.

В последние годы Збигнев Бжезинский являлся советником некоторых представителей американской политической элиты по вопросам внешней политики, в том числе и президента Барака Обамы.

Был членом «Трехсторонней комиссии» и «Бильдербергского клуба», почетным гражданином города Львов, почетным доктором Тбилисского государственного университета, сопредседателем американского «Комитета по Помощи Польше», членом правления директоров «Польско-американского предпринимательского фонда», организатором и председателем «Американо-украинского Консультативного Комитета», членом совета директоров нефтяной компании «BritishPetroleum – Amoco» и главным советником компании «Chevron».

Помимо этого, являлся членом правления советов директоров организации «Международная Амнистия», элитного клуба «Совет по Международным Отношениям» и «Атлантического Совета», членом правления директоров «Национального фонда за Демократию», почетным председателем Фонда «AmeriCares» (частная филантропическая организация, занимающаяся гуманитарной помощью), членом совета попечителей некоммерческой организации «Freedom House».

Геополитические позиции Збигневом Бжезинским отражены в таких работах как: «Вне контроля: Глобальный беспорядок накануне 21 века» [44], «Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке» [3], «План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР» [11], «Великая шахматная доска. Американская гегемония и ее геостратегические императивы» [4], «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» [7], «Стратегическое прозрение: Америка и глобальный кризис» [16] а также во многих интервью и выступлениях на разного рода мероприятиях и в СМИ.

Основой работ Бжезинского являлись труды представителей классической геополитики морских сил, в которых Збигнев Бжезинский продолжил продвигать доктрину нового американского экспансионизма.

Бжезинский назвал основные принципы планетарного господства США в условиях однополярного мира, а основную цель геостратегии США провозгласил «превращение Америки во властелина Евразии» [11, с. 27], которая станет «главным геополитическим призом» [11, с. 29].

Основным и наиболее важным трудом Бжезинского стала книга «Великая шахматная доска» [4], опубликованная в 1997 году, в которой описаны долгосрочные интересы американской силовой политики. В ней представляется аналитически разработанный план геополитической установки Соединенных Штатов на ближайшие 30 лет.

В немецком переводе название книги выглядит как «Единственная мировая держава». И в этом названии наиболее ярко отражен главный принцип американской политики, а конкретно – заявленное желание называться единственной и даже, - как говорит Бжезинский, - последней мировой державой. Но ключевым представляется второй основной принцип, с учетом которого Евразия «представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство» [4, с. 56].

Согласно второму принципу, держава, которая получит господство в Евразии, получит господство над всем миром. «Эта огромная, причудливых очертаний евразийская шахматная доска, простирающаяся от Лиссабона до Владивостока, является ареной глобальной игры» [4, с. 56], учитывая то, что «доминирование на всем Евразийском континенте уже сегодня является предпосылкой для глобального господствующего положения» [4, с. 48].

«И происходит это лишь потому, что Евразия, бесспорно, является самым большим континентом, на котором проживает 75% населения мира, и на котором располагаются 3/4 всех мировых энергетических запасов» [4, с. 49].

Основы мирового господства Америки Збигнев Бжезинский представил в следующей редакции книги: «Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития, даже, несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии; в технологическом отношении она сохранила абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, - все это обеспечивает США политическое влияние, близкого к которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова» [4, с. 85].

Бжезинский, называет США современным имперским гегемоном, которому нет равных в мощи, по крайней мере, в ближайшие 25 лет. Геополитолог предложил Америке заблокировать места нестабильности в Юго-Восточной Европе, Центральной Азии и в анклавах Южной Азии, Ближнего Востока и Персидского залива, с целью захвата «главного приза Евразии» [4, с. 138].

Важно подчеркнуть, что трагические террористические акты 2001 года убрали главную помеху для реализации этой цели – нежелание населения Америки связывать свою судьбу с такими далекими и переменчивыми странами.

В международных отношениях географический фактор всегда был одним из решающих факторов, так как поводами международных конфликтов на протяжении большей части историей становился контроль над территориями. Причинами многих кровопролитных войн являлись или удовлетворение своих национальных устремлений, с желанием получить большие территории, или чувство национальной утраты, связанные с потерей «священной» земли. При этом необходимо заметить, что практически все империи сформировались с помощью тщательно продуманного захвата и удержания необходимых географических достояний.

Российское национальное величие было непременно связано с завоеванием территорий, «и даже в конце XX века российское настойчивое требование сохранить контроль над таким нерусским народом, как чеченцы, которые живут вокруг жизненно важного нефтепровода, оправдывалось заявлениями о том, что такой контроль принципиально важен для статуса России как великой державы» [4, с. 170].

По словам Бжезинского, государства-нации, по-прежнему, остаются основными звеньями мировой системы. Хотя упадок великодержавного национализма, уменьшение идеологической компоненты понизили эмоциональное содержание глобальной политики, конкуренция, основанная на владении территорией, по-прежнему доминирует в международной политике, даже если она приобретает более цивилизационный вид. Поэтому, географическое положение все еще остается отправной точкой для выявления внешнеполитических приоритетов государства-нации, а размеры национальной территории до сих пор имеют значение важнейшего критерия статуса и силы.

Но для многих национальных государств в современном мире территориальный вопрос перестал быть таким значимым как прежде. Элиты,

стоящие у власти все больше подходят к осознанию, что факторами, определяющими степень международного влияния все чаще являются экономический уровень развития, технологии и другие.

Государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Олбрайт еще раз подчеркнула это: «Нация, без которой невозможно обойтись. Она остается богатейшим, сильнейшим, наиболее открытым обществом на Земле. Это пример экономической эффективности и технологического новаторства, икона популярной культуры во всех концах мира и признанный честный брокер в решении международных проблем» [37]. «Место Америки находится в центре всей мировой системы... Соединенные Штаты являются организующим старейшиной всей международной системы» [4, с. 89].

Не так давно авторитетные аналитики в области геополитики дискутировали о том, морская или континентальная власть является приоритетной, и какой конкретно регион Евразии мог бы являть собой серьезное значение в плане контроля над всем континентом. Харальд МакКиндер [51], выдающийся геополитик, в начале XXI века выступил инициатором дискурса, результатом которого явилась концепция евразийской «опорной территории» (которая, как утверждалось, должна была включать всю Сибирь и большую часть Средней Азии), а позднее - концепция «сердца» (хартленда) Центральной и Восточной Европы как жизненно важного плацдарма для получения власти над континентом. Собственно, из этой концепции появился афоризм: «Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли; Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Островом (Евразией); Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром» [51, с. 63].

С точки зрения Бжезинского, «Сегодня геополитический вопрос более не сводится к тому, какая географическая часть Евразии является отправной точкой для господства над континентом, или к тому, что важнее: власть на суше или на море. Геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем Евразийским континентом служит центральной

основой для глобального главенства. В настоящее время Соединенные Штаты, неевропейская держава, главенствуют в международном масштабе, при этом их власть непосредственно распространена на три периферических региона Евразийского континента, с позиций, которых они и осуществляют свое мощное влияние на государства, занимающие его внутренние районы. Но именно на самом важном театре военных действий земного шара – в Евразии - в какой-то момент может зародиться потенциальное соперничество с Америкой» [4, с. 92].

По итогу, привлечение внимания к ключевым действующим лицам и правильная оценка обстановки, являются начальной ступеней для выработки геостратегии США в интересах перспективного руководства их геополитическими интересами в Евразии.

При формулировании американской геополитической стратегии необходимо: выделить динамичные (с геостратегической точки зрения) евразийские государства, которые имеют силу, способную создать потенциально необходимый сдвиг в международном балансе сил и угадать ключевые внешнеполитические цели их политических элит, а также разработать конкретную политику США для компенсации, подключения или контроля вышесказанного в целях сохранения и продвижения жизненных интересов США в планетарных масштабах.

Из вышесказанного можно заключить, что для США евразийская геополитическая стратегия представляет и в ближайшем будущем сохранение и удержание своей исключительной мировой власти.

«Активными геостратегическими действующими лицами являются государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ» [4, с. 45].

С точки зрения Бжезинского эти государства обладают склонностью к непостоянству с геополитической точки зрения стремлению к национальному величию, приверженностью идеологии, религиозному мессианству или экономическому возвышению. Поэтому соединенные Штаты Америки, по его

словам, обязаны обращать особое внимание евразийским государствам, управляемые такими мотивами.

«Геополитические центры – это государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц» [4, с. 50].

Очень часто геополитические центры формируются за счет своего географического положения, которое позволяет им владеть доступом к важнейшим районам, а также возможностью отказывать другим геополитическим игрокам в получении ресурсов. При других вариантах геополитический центр может работать как защита для страны или даже региона, представляющее решающее значение на геополитической арене. Выявление основных евразийских геополитических центров после окончания холодной войны, является принципиально важным аспектом мировой геостратегии Америки.

Надо подчеркнуть, что мощная и важная страна обязательно становится геостратегическим действующим лицом.

В книге Збигнева Бжезинского «План игры» [11] анализируются геополитические роли основных государств.

Сегодня, в мировых масштабах можно выделить пять основных геостратегических действующих лиц и столько же геополитических центров на новой евразийской политической карте. Франция, Германия, Россия, Китай и Индия являются крупными и активными игроками, в то время как Великобритания, Япония и Индонезия (по общему признанию, очень важные страны) Бжезинский не считает таковыми. Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран также выполняют роль принципиально важных геополитических центров.

Франция и Германия – основные геополитические действующие лица на Западном конце Евразии. И та, и другая страны стремятся к образу единой Европы, но занимают разные позиции по поводу отношений Европы с Америкой.

Франция желает занять центральную политическую роль в Европейском Союзе, являясь при этом связующим звеном между средиземноморскими и североамериканскими странами. Германия опирается на экономическое лидерство, тем самым претендуя на особый статус в Европейском сообществе.

Великобритания не поддерживает политическое объединение и предпочитает модель экономической интеграции на основе свободной торговли, объединение только по вопросам внешней политики, безопасности и обороны вне структурных рамок ЕС. По мнению З. Бжезинского, «Хотя для США она по-прежнему играет немалую роль, они все же предпочитают видеть в ней ушедшего на покой геостратегического игрока, почивающего на лаврах» [11, с. 57].

Россия, безусловно, остается крупным геостратегическим лицом не обращая внимание на слабую государственность. Ее присутствие влияет на евразийские государства, получившие независимость от СССР. У России также имеются амбиции и геополитические цели. Когда она реабилитирует свою силу и мощь, она однозначно начнет влиять на своих географических соседей.

Помимо этого, России необходимо выработать план взаимоотношений с США. У России в этом плане имеются разные альтернативы выбора. Имеет большое значение внутривнутриполитическое положение и возможностью превратиться в полноценную европейскую демократию или же евразийскую империю снова. Однозначно, Россия является действующим геостратегическим лицом, даже при том, что потеряла некоторые важные позиции на «евразийской шахматной доске».

Китай также можно назвать влиятельным игроком на политической арене. Китай считается одной из основных региональных держав и, заметно, что возлагает большие надежды, учитывая историю великой державы, и сохраняет представления о китайском государстве как центре мира. Те альтернативы выбора, которые выбирает Китай, уже влияют на геополитическое соотношение сил в Азии. Распад Советского Союза создал на западной части Китая несколько государств, на которые китайские лидеры не могут не обращать внимания.

Поэтому более активная роль Китая на мировой политической значительно отразится на России.

Япония представляется крупной державой в мировой политике, для США двухсторонние отношения являются чрезвычайно важными. Япония в данный момент занимает лидирующие показатели в экономике, что дает ей право доминирования как минимум в тихоокеанском регионе. Однако, она им не пользуется, предотвращая любые стремления к региональному доминированию, Япония склонна вместо этого действовать под протекцией Америки. Япония, как и Великобритания в случае Европы, старается не вступать в политические игры материковой Азии. Такая позиция Японии дает возможность США выполнять решающую роль по обеспечению безопасности на Дальнем Востоке. Поэтому Япония не играет роль действующего геостратегического лица, но потенциал в себе сохраняет.

Бжезинский говорит, что список действующих геополитических центров не является постоянным, и может изменяться. Со временем, некоторые государства могут вноситься и исключаться из него. Но пока, политическая ситуация не отражает краткосрочные изменения, которые бы смогли повлиять на расстановку сил, с масштабными последствиями.

Великая шахматная доска - это евразийская геополитическая карта, где белым цветом показаны зоны гегемонии США в Евразии, а черным – те территории, где американское гегемонию еще только предстоит установить.

Бжезинский назвал Россию «черной дырой», предсказав ее будущему мрачную перспективу и, в частности, ее территориальный распад: «Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом... России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче...» [11, с. 109].

В работе «Великая шахматная доска» [4] Бжезинский, по факту, отразил свой взгляд на программу по окончательному развалу России. Он всю жизнь посвятил

тому, чтобы уничтожить сначала СССР, а затем и Россию (эту «смертельную угрозу»). Сразу после распада Советского Союза в 1991 году он с радостью сообщил, что «произошло крушение исторической российской государственности».

В 2007 году вышла книга Збигнева Бжезинского «Еще один шанс» [7], где автор раскритиковал правительства Джорджа Буша-старшего, Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего за то, что, по его словам, после распада СССР они смогли реализовать шансы для формирования системы надежного американского господства. Таким образом, он предлагает отвести на второй план политику однополярного мира и направить усилия на кооперацию и поиск договоренностей с Европой и Китаем. Необходимо также вести переговоры с Сирией, Ираном и Венесуэлой - об этом во время своего срока президентства заявил Барак Обама. Одновременно с этим надо заблокировать и даже дестабилизировать Россию.

В своей работе «Вне контроля» [44] Бжезинский пишет, что «развал Советского Союза превратил «хартлэнд» Евразии в геополитический вакуум... Распад Советского Союза не только создал возможность для потенциального проникновения американского влияния в евразийский вакуум, в особенности путем консолидации геополитической разрозненности бывшего пространства СССР, но и имеет решающие геополитические последствия на юго-западной окраине Евразии. Ближний Восток и Персидский залив уже трансформированы в область исключительного американского силового преобладания. И это положение является исторически уникальным» [39, с. 75].

Возможность США произвести в одностороннем порядке массивные военные действия против практически любого государства, мешающего американским интересам и ставящего под сомнение самопровозглашенную роль мирового жандарма, является, с точки зрения Бжезинского, основой грядущего американского мирового господства.

Независимая Европа, по словам геополитика, - это стабильная моральная и экономическая угроза США, поэтому они должны помешать объединенной

Европы, так как она сможет выступать как самостоятельный геополитический блок, который бы смог сдерживать геополитические интересы США. «В будущем ни одно государство или же коалиция государств не должны консолидироваться в геополитическую силу, которая могла бы вытеснить США из Евразии» [39, с. 99].

Збигнев Бжезинский называет Соединенные Штаты Америки ведущей морской силой в мире. С его точки зрения, силовое поле международных отношений формируется в исторической перспективе, а также в контексте современных международных отношений, конфликтом между морскими и континентальными силами.

Конфликт между СССР и США Бжезинский анализирует как «извечный геополитический конфликт между ведущей морской силой (США) и доминирующей континентальной силой (СССР)» [12, с. 98]. США представляются правопреемником Британской империи и поэтому являются ведущей морской силой. Конфликт между Советским Союзом (а затем и Россией) и США, – в понимании Бжезинского, – не что иное, как извечный антагонизм между морской и континентальной силой.

1.2 3. Бжезинский о России (СССР) советского периода

Збигнев Бжезинский представлял суть своего подхода к исследованию внешней политики США по отношению к Советскому Союзу как синтез силы и принципа, индивидуализма и реализма. Сила – это способ реализации принципов. Внешняя политика США периода «холодной войны» продемонстрировала свою успешность в том числе, благодаря тому, что несла в себе определенные моральные идеалы. Моральная и культурная сила является ресурсом американской гегемонии в современном мире.

На ранние работы З. Бжезинского сильнейшее влияние оказала ситуация разгара «холодной войны» и противостояние СССР – США в конце 1940-х - 50-х гг. В этот период важное значение имели работы, посвященные изучению феномена тоталитаризма. Совместно с Карлом Фридрихом [45], он разрабатывает

ряд обязательных элементов тоталитаризма, указывая на то, что ранние исследователи данного явления, например – Ханна Арентт [1], сильно упростили характеристики этого явления. Идея всеохватывающего государства с отсутствием гражданских свобод, по словам Бжезинского – всего лишь способ дискредитации противника в «холодной войне». Также, Бжезинский впервые изучил процесс передачи власти в тоталитарных обществах. В определении феномена тоталитаризма он включил различные формы данного явления: от терроризма до волюнтаризма.

В 1960-е годы было распространено мнение о том, что если оказывать экономическую помощь отсталым странам, это будет способствовать их экономическому росту и демократическим преобразованиям внутри стран. Однако, Бжезинский опровергал эту теорию и считал, что экономическое развитие требует тоталитарного режима, эффективного правительства и его способности поддержания порядка и стабильности.

Совместно с С. Хантингтоном, занимался вопросом принятия политических решений в Советском Союзе в работе «Политическая власть: США – СССР» [12]. При анализе советской властной структуре, пришли к выводу, что в системе присутствует конфликт интересов, касающийся только высших эшелонов власти.

Преимуществом этой работы перед другими схожими является то, Бжезинский и Хантингтон использовали сравнительные данные, развивали типологию коммунистических систем, разработали концептуальную структуру изучения коммунистических систем.

Известный западный политолог Г. Алмонд [38] отнес работу «Политическая власть: США - СССР» к новой парадигме политической науки - рассмотрению политической системы как единого целого, выявлению большого числа переменных, характеризующих данную систему, с целью последующей ее классификации.

К достижениям совместной работы З. Бжезинского и С. Хантингтона можно отнести постановку вопроса о конвергенции двух систем – советского и

американского обществ как представления двух обществ развитой индустриальной цивилизации. По их мнению, подобная конвергенция таких полярных систем возможна.

В политической науке США проблема модернизации коммунистических государств в 1960-е также создавала повод для дискуссий. По мнению Бжезинского, даже развитое государство с коммунистической системой имеет некоторые признаки развивающейся страны, независимо от уровня экономического развития. Из-за этого отличие модернизации в коммунистических обществах представляются менее ясными, чем в некоммунистических системах.

Збигневом Бжезинским был затронут вопрос о национальном коммунизме, о выборе путей развития Советских государств, о возможности принятия национальной партией идей, совсем неподдерживаемых остальным коммунистическим блоком. В данном контексте Бжезинский ввел термин «доместицизм» - принятие национальным меньшинством отличительного правления с учетом их собственных условий. На основе этой теории, Шоуп [53] выделил три альтернативы развития Советских государств: доместицизм, полная зависимость от Советского Союза, а также копирование советской власти.

Идеологию в СССР Бжезинский считал важным фактором в объединении стран, но в определенный период возможным разрушить коммунистический блок. Распад Советского Союза мог быть возможен из-за несоответствия идеологической базы коммунизма действительности. Концепция Бжезинского основывалась на различных перспективах развития государств коммунистического блока, разных этапах развития социалистических государств и отличающихся интересах правящих элит.

При сравнении коммунистических систем, Бжезинский заложил основы для создания многомерной сравнительной теории, учитывающей различные аспекты таких систем.

Согласно концепции Бжезинского, трансформация социальной структуры СССР связана с политикой правящей элиты плюс государство в СССР

преобладает над обществом. Он видел целью политики советского режима распространение идеологии, то есть общество являлось продуктом идеологии. Идеология, таким образом, заменяла террор.

Проблема возможности мирного существования капиталистической и коммунистической систем была наиболее важным поводом для дискуссий в политической науке 1960-х годов. Существовало четыре точки зрения на данную проблему: а) отрицание самого факта существования двух систем, б) отрицание наличия борьбы между двумя системами, в) использование теории мирного сосуществования в целях уничтожения другой системы извне, именно такого мнения придерживался Бжезинский, г) полагание поисков путей к мирному сосуществованию опасными для военных устремлений США. По мнению Бжезинского, мирное сосуществование предполагает продолжение конфликта, но не вооруженным путем, а другими средствами. При таком подходе, значение приобретает поиск способов разрушения социалистического порядка изнутри. В качестве примера такой концепции можно привести идею Президента США Л. Джонсона «создать мост» между Востоком и Западом, то есть оказание США помощи коммунистическим странам и их экономическому развитию. С точки зрения Бжезинского, это намерение может быть оправдано только в том случае, если данная помощь приведет к эрозии коммунистического строя. Такие изменения должны происходить под устойчивым давлением со стороны Запада. Американская внешняя политика экономической помощи возможна только в случае вознаграждения страны за внешнюю независимость и либерализацию внутреннего устройства.

Позиция З. Бжезинского относительно принципов сосуществования двух блоков получила название «выборочного сосуществования» – проведение различной политики для разных стран. Политику мирных отношений возможно проводить только со странами, с которыми это выгодно и целесообразно [5].

В 1970-е годы З. Бжезинский сделал акцент на исследовании проблемы национального коммунизма. По представлениям Бжезинского, национальные

интересы должны быть в приоритете над идеологическими, а расширение территории Советского Союза при И. Сталине было желанием вернуть территориальное наследство Российской империи. И по факту, для большинства новых членов социалистического блока суверенитет существовал лишь на словах.

Восточноевропейские государства были прежде всего национальными по форме, но пронизанные советской системой. И так как эти национальные государства имели вполне самостоятельные экономики, сталинизм уже тогда имел тенденцию распада. Как только неофициальные механизмы контроля и управления, используемые СССР стали неэффективными, оказалось легко свести на нет верховенство СССР в блоке, члены которого, копируя советский опыт, были в то же время самостоятельными государствами. «Национальная форма снова взяла верх над содержанием» [44, с. 115].

При изучении политического устройства Советского Союза Бжезинский впервые разработал критерии коммунистического режима, основанные на положениях советской идеологии.

Модернизация в СССР способствовала расширению бюрократического аппарата и, соответственно, появлению множества иерархических структур, отвечающих за распределение ресурсов. Эффекты бюрократизации государства, заставили Бжезинского пересмотреть модель политической системы СССР. По его мнению, советская система превратилась в институционализированную олигархию с «бюрократическим арбитражем», который осуществлялся партией [3].

Проблему взаимосвязи внешней политики и появления постиндустриального общества З. Бжезинский также принимал участие. Он считал, что разрядка международных отношений уменьшает траты государств на военные расходы, а значит увеличивает внимание со стороны государства благосостоянию общества.

В 1980-е гг., вопреки мнению З. Бжезинского о том, что мировая политика, и в особенности ее военная часть, будет состоять исключительно в ядерном противостоянии США и СССР, появились прогнозы, согласно которым

существует вероятность создания многополярного мира, т.е. сообщества наций во главе с двумя сверхдержавами, дополненными Японией, Западной Германией, Францией, Китаем и Англией. Противостояние между сверхдержавами при этом отойдет на задний план. Но трансформация мировых политических отношений, по мнению многих ученых, скорее будут связаны с развитием новых технологий, чем с изменением социальной организации.

Именно З. Бжезинский, в связи с актуализацией проблемы реинтеграции Европы во второй половине 1980-х годов, верно предсказал направления развития, а именно объединение Европы к концу 20-го века.

Изучая процесс разрядки в советско-американских отношениях, некоторые исследователи замечают неправильное восприятие сущности разрядки в американском обществе, т.е. преувеличенное восприятие наращивания и использования силы в целеустремленной экспансионистской политике СССР и чрезвычайно искаженном образе американской пассивности и бессилия в мире. Также существовала тенденция приписывать другой стороне большую свободу действий, преувеличенную силу и контроль над событиями. Исключение составляли взгляды З. Бжезинского которые более реалистичны и осознавали всю сложность существующей международной ситуации. Таким образом, кроме отличающихся концепций разрядки, были очень важные различия в восприятии не только побуждений другой стороны, но и самой действительности мировой политики.

По вопросу устройства и направления развития советского общества в западной политической науке существовало два мнения. Первое мнение признавало советское общество тоталитарным, в частности, отсутствие разнообразия мнений, а другое, которого также придерживался З. Бжезинский считало, что внутри советской элиты возможен плюрализм, из чего становится возможно развитие общества.

В 1980-х годах вновь актуализировалась проблема взаимосвязи тоталитарной системы и внешней политики. Выявлялись причины агрессивности советской внешней политики через сущность тоталитаризма в СССР:

- члены тоталитарного общества сильно подвержены влиянию идеологических догм, поэтому не способны ее воспринимать критически;
- их политический стиль представляет собой жесткую дихотомию, необходим либо тотальный контроль, либо тотальный конфликт;
- лидеры пользуются внешними угрозами, международными успехами для поддержания легитимности своего государства;
- давления международной конкуренции вынуждает лидера отсталого государства использовать внутренние репрессии и военный призыв, чтобы мобилизовать данное неэффективное общество.

Такая концепция противоречила мнению Бжезинского, согласно которой нельзя говорить о существовании прямой связи между сущностью тоталитарного режима и его агрессивной внешней политикой.

К концу 1980-х годов в изучении закономерностей становления и развития советского коммунистического строя преобладали две точки зрения. Первая, которой придерживались З. Бжезинский, Ричард Лоуэнталь [50], Роберт Такер [55] основывалась на концепции противоречивых аспектах в политике советского государства. Одним из аспектов была заимствованная из марксизма идея строительства эгалитарного социального порядка, другим – императив выживания во враждебной окружающей среде, которая подталкивала эгалитарный порядок в направлении индустриализма. Как считал Эндрю Янос [48] теории данных исследователей построены по одной диалектической структуре: при осуществлении революции большевики преследовали цели «спасения человечества», но, чтобы выжить и действительно реализовать эти цели, они были вынуждены принять ряд политических действий, которые ниспровергали принципы «идеологии», «культурные цели и утопию» [50], и, тем

самым, приводили в движение силы «дерадикализации» [55] в политической системе СССР.

В работах Сэмюэля Хантингтона [12] и Кеннета Джоуитта [49] отразилась другая точка зрения: коммунизм не как движение к созданию утопического порядка, но как часть всемирного движения к созданию жизнеспособных политических сообществ в обстановке враждебной окружающей среды. Является ли целью этого движения «политическая модернизация», «политическое развитие» [12] или «национальное строительство» [49], оно, в первую очередь, требует создания современной экономики и ценностной системы, поскольку без них этнические государства не могут существовать в современном мире.

Перевороты в Восточной Европе стали самым значительным вызовом современной социально-политической теории за последние сорок лет. Поэтому стал необходим пересмотр подходов к социальным изменениям государственного социализма, чтобы, например, объяснить неудачу в предсказании крушения коммунистического строя. Теории, анализирующие государственный социализм можно разделить на четыре группы:

- Восприятие социализма как тоталитарной системы. Согласно данной теории, социализм представляет статичное общество, в котором атомизированные, отчужденные и социально изолированные массы являются объектами манипуляции со стороны всемогущего государства и партийного аппарата, и где идеология являлась основой гомогенизации правящей элиты. Подобный режим мог быть только свергнут, возможность его эволюционного развития исключалась. Как основная теория тоталитарная модель советского общества была отвергнута в конце 60-х гг. Она была заменена «авторитарными» моделями с постоянно увеличивающимися степенями плюрализма, которые были приняты как более подходящие для эпохи политического либерализации и постепенных реформ социалистических экономик.
- Теории модернизации сместили акцент на детерминирующую роль технологий и более плюралистическое видение политики. Взяв за основу

западные страны, теоретики модернизации предсказывали увеличение гомогенизации социальных, политических и экономических институтов коммунистических и развитых индустриальных стран. Недостатком данной теории было невнимание к отличительным особенностям институтов государственного социализма.

- Теории, акцентирующие внимание на динамике социалистических экономических и социальных систем: теория экономических институтов и теория гражданского общества. Акцентируя внимание на обществе и социальном действии вне партии-государства, теория гражданского общества поставила под сомнение концепцию доминирования государства над обществом. В рамках данного подхода сравнивались социальные движения на Западе и оппозиционные движения в Восточной Европе. Утверждалось, что сопротивление «снизу» являлось важным фактором распада тоталитарной системы.
- В то же время, институциональный анализ государственного социализма был возможен при условии, что государственный социализм представил собой особое социальное образование с его собственной институциональной логикой и динамикой развития. Полемизируя с теорией конвергенции, они утверждали, что неудачи в проведении экономических реформ, являющиеся результатом недостатков организации в социалистических экономиках, могли играть роль катализатора политических изменений. Однако, ни одна из вышеупомянутых теорий не смогла успешно предсказать характер и время изменений в странах советского блока.

Некоторые исследователи отмечают, что крах коммунизма ударил не только по Востоку, но и по Западу, принеся большее количество проблем, пока не имеющих решения. С потерей врага, граждане западных государств потеряли главную силу, основу, организующий принцип, источник идентичности и моральной справедливости, которая усиливала их убеждение, что их мир был действительно хорошим миром. В качестве иллюстрации можно привести

высказывание З. Бжезинского на лекции в конце 1990-го года о «гложащем философском беспокойстве». Он сказал: «Демократия победила. Свободная рыночная система победила. Но что вслед за этой большой идеологической победой сегодня составляет сущность нашей веры? ... Я думаю эта пустота, эта потенциальная пустота, даже если она еще не является реальностью, опасна» [6]. Эти слова практически повторяют опасения многих великих мыслителей нашего столетия, включая Гуссерля, Ясперса, Хайдеггера, Юнга, Фрейда, Тойнби, Сорокина и других, об углубляющемся духовном кризисе, охватившем западную цивилизацию.

Выводы к первой главе: З. Бжезинский – видный представитель советологии, разделяющий многие ее представления в силу принадлежности к системе символов и стереотипов, характеризующей американскую национальную идентичность.

Ранний этап творчества З. Бжезинского (1950 – начало 1960-х гг.) был посвящен исследованию феномена тоталитаризма (прежде всего в СССР). Главным достижением этого периода стало преодоление упрощенного взгляда на тоталитаризм и признание его необходимости для экономического развития коммунистических стран.

Период с конца 1960 по 1980-е гг. характеризовался отказом от противопоставления демократии и тоталитаризма (в совместной работе с С. Хантингтоном). Это осуществлялось в рамках теории конвергенции двух систем. Логичным выводом из данной концепции была теория мирного сосуществования двух блоков. З. Бжезинский был вынужден отказаться от рассмотрения СССР как тоталитарного государства и перейти к пониманию СССР как «институционализированной олигархии».

В конце 1980-х гг. взгляды З. Бжезинского снова эволюционируют. Например, главной причиной изменений в странах социалистического блока З. Бжезинский признает не требования идеологии, а развитие современных технологии и необходимость модернизации. В международных отношениях З. Бжезинский

полагал, что сохранится противостояние между СССР и США, однако верно предсказал тенденцию к объединению Европы.

Важно подчеркнуть, что З. Бжезинский, как и другие исследователи, не смог предсказать краха СССР и всей социалистической системы, поэтому события начала 1990-х гг. привели его в некоторую растерянность. Он выражал беспокойство по поводу утраты западным миром целей развития в связи с победой над коммунизмом.

Необходимо отметить, что образы СССР и США в работах З. Бжезинского в этот период не сводятся к простой черно-белой схеме. СССР – противник, «исторический конкурент», но не «абсолютный враг».

2 ПРЕДСТАВЛЕНИЯ З. БЖЕЗИНСКОГО О РОССИИ И ЕЕ МЕСТЕ В МИРЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

2.1 Представления З. Бжезинского о России и ее месте в мире в период правления Б. Ельцина

В 1988 году З. Бжезинский опубликовал работу «Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке» [3], которая произвела огромный успех. Работа противоречила распространенным в то время мнениям о восторге и принятии советских реформ со стороны американской политической элиты. Основные тезисы данной работы З. Бжезинского:

1) Коммунизм связан с эпохой раннего индустриализма. Он возник из попытки ускоренной модернизации и связан с резко упрощенным образом мира. Это попытка перепрыгнуть через естественные этапы исторического развития.

2) Данный упрощенный подход к процессу исторического развития превратился в идеологию евразийской империи. При этом основы социально-политической системы Российской империи в значительной мере сохранились под прикрытием западных идеологических ценностей. Коммунистическая работа З. Бжезинского вызвала, в частности, яростную отповедь со стороны «отца» перестройки М.С. Горбачева. Система в СССР представляла собой прикрытия для традиционно русского великодержавного шовинизма и этатизма.

3) В СССР не может возникнуть ни капитализма, ни демократии, пока в нем будет сохраняться не только то, что составляет сущность собственно СССР, но и все то, что связано с российской историей. Русским надо стать такими же, как европейцы и американцы. Поэтому перестройка обречена. В лучшем случае она может привести к ликвидации СССР и распаду советской системы.

Вот как сам З. Бжезинский комментирует основные (с точки зрения образа России) аспекты структуры книги: «В первой части утверждается, что политические и социально-экономические неудачи советской системы являются ключевым фактором в трагедии советской системы. Во второй части более тщательно исследуются современные советские попытки реформирования и

оживления этой системы» [3, с. 9]. Автор приходит к заключению, что успех этих попыток менее вероятен, чем продолжение упадка. В третьей части рассматриваются социальные и политические последствия установления коммунизма в Восточной Европе. Автор считает, что в данном регионе (вслед за начавшимся в Польше освободительным движением) запущен процесс отказа от установления Советами коммунистических систем.

Современные ему процессы, происходящие в советском обществе, З. Бжезинский рассматривает в следующей главе, называющейся «Парадокс реформ». В этой главе автор рассматривает существующую в СССР систему в качестве сочетания трех уровней или слоев социально-политической организации, образовавшихся в различные исторические периоды:

- слой, сформировавшийся во времена В.И. Ленина – тоталитарная партия, стремящаяся к тотальной реконструкции общества;
- слой, сформировавшийся во времена И.В. Сталина – тоталитарное государство, которое полностью подчинило себе общество;
- слой, сформировавшийся во времена Л.И. Брежнева – полностью стагнирующее государство, управляемое коррумпированной тоталитарной партией [3, с. 18].

В ходе реформ, по мысли автора, встает вопрос, от какого из этих уровней необходимо отказаться. Начав с отказа от «застоя», реформа в СССР, по мнению З. Бжезинского, неизбежно может двигаться только по трем вышеописанным стадиям, путем последовательного отказа от брежневизма, сталинизма и ленинизма. Сущность советского государства сконцентрирована, прежде всего, в идеях Ленина и, следовательно, попытка отказа от «сталинизма» вела лишь к разрушению системы, но не к каким-то позитивным ее изменениям. Последние невозможны, пока не затронуто «ядро» советской системы – ленинизм. Но если затронуть этот центр, то рухнет вся система. Таким образом, реализация сформулированной М.С. Горбачевым цели формирования новой «политической культуры» в СССР потребовало бы разрыва не только с брежневизмом и

сталинизмом, но и со всем историческим прошлым России. Здесь автор перечисляет черты структурного сходства Российской империи и коммунистического государства. Анализу глубинных тенденций перестройки и ее перспективам посвящена часть книги, озаглавленная «Советские разногласия» (здесь игра слов: дословно – «советский рас-союз» – «Soviet disunion»). З. Бжезинский указывает, что начало гласности привело к возникновению на политической арене всех подспудных разногласий и, следовательно, к усилению дезинтеграции общества. «Все эти взаимосвязанные дебаты создали особый динамический эффект. Поиск путей экономического обновления привел к усилению стремления к демократизации. Это, в свою очередь, угрожало монополии партии на власть и тому, во что люди должны верить. Таким образом, были открыты двери для соревнующихся с коммунизмом идей религии и национализма...» [3, с. 47].

Автор ставит вопрос: «реальная проблема заключена в том, эволюционирует ли советский коммунизм в значительно больше открытую и экономически инновационную систему или, напротив, он загнивает и распадается» [3, с.48]. При этом сам З. Бжезинский склонен ко второму варианту ответа на этот вопрос. Он считает, что коммунистическая система по своей природе не может допустить экономической инновации, т.к. это приведет к политической дестабилизации. В свою очередь, политическая стабилизация будет означать еще большее усиление централизованного контроля над экономикой. «Короче говоря, фатальная дилемма, стоящая перед коммунистической системой в СССР, заключается в том, что экономический успех может быть обретен только за счет политической стабильности, в то время как политическая стабильность может быть достигнута только за счет экономического неуспеха» [3, с.51]. Рассматривая возможные сценарии развития событий в СССР, З. Бжезинский делает вывод, что из них наиболее вероятным ему видится постепенная остановка перестройки и переход к стагнации.

В заключительной главе книги, озаглавленной «Посткоммунизм?» автор анализирует возможные тенденции эволюции государств коммунистического блока в случае крушения коммунистической системы. При этом он отмечает, что наследие коммунизма, выражающееся в монопольном политическом положении нынешних элит, а также рост национализма, могут в дальнейшем затруднить развитие демократических институтов.

Таким образом, З. Бжезинский оценивает «перестройку» с точки зрения ее места в истории России в целом. Подобный подход позволяет ему сделать вывод, что любое чисто внешнее, чисто поверхностное изменение советской системы (ее «нормализация») бессмысленно. Советская система глубоко укоренена в истории России. Ее можно либо удалить и разрушить целиком, либо вообще не трогать. Поэтому если коммунизм обречен на неудачу, то точно также будет обречена на неудачу и любая попытка его реформировать. Но поэтому же, – и здесь мы встречаемся с важным подспудным аспектом представлений З. Бжезинского о России-СССР, – обречена на неудачу и Россия. Ведь коммунизм – интегральная часть ее истории.

Книга «Вне контроля. Глобальный беспорядок накануне 21 в.» [44] посвящена описанию новой политической ситуации, сложившейся после развала СССР. Вот как определяет тему и жанр этой книги сам автор. «Она посвящена ситуации, сложившуюся в современной международной политике, тому, что может произойти в начале 21-го века, она также посвящена тому, что необходимо предотвратить... Книга представляет собой частично диагноз, частично – прогноз и частично – защиту определенной стратегии» [44, с. 4].

«В книге рассматриваются следующие проблемы:

- 1) Каково историческое значение великой неудачи, которая случилась в 20-м веке с тоталитаризмом в целом и с коммунизмом, в частности, как с определенной политической силой на международной арене?
- 2) Каково будет возможное доктринальное и геополитическое устройство мира в начале 21-го века?

3) Каково следствие происходящего для роли Америки в мире, а также - каково влияние всего этого на американское общество?»[44, с. 8].

Таким образом, проблемы этой монографии пересекаются, с одной стороны, с «Большим провалом» (1 проблема), а, с другой стороны, с «Великой шахматной доской» (2 и 3 проблема).

Часть I книги названа «Политика организованного безумия». Она посвящена общим характеристикам важнейших тенденций уходящего века.

XX век стал веком смерти. Никогда человечество не переживало такого количества политически мотивированных массовых убийств. Причиной этого стало возникновение весьма специфических политических устройств – тоталитарных государств, которые возникали на основе массовых политических движений и представляли собой результат политической активности раннеиндустриальных масс. В этих государствах центральную роль играл миф – особое видение перспектив исторического процесса, представляющее собой в значительной мере упрощение реальности.

Сущность этого мифа З. Бжезинский раскрывает с помощью концепции «принудительной утопии». «Эта утопия представляла собой с политической точки зрения наиболее крайнюю, а с философской точки зрения – наиболее высокомерную в человеческой истории попытку обрести контроль над средой жизни человека в ее тотальности, догматически определив социальную организацию человечества, а также – сформировать человеческую личность. Короче говоря, архитекторы «принудительной утопии» взяли на себя роль, которую ранее приписывали Богу» [3, с. 215].

Наиболее ярким примером подобного рода политики был сталинизм. Его сущность выражалась в полном уничтожении гражданского общества и вообще общества как такового, превращая его в пластичный материал для тоталитарного государства.

Коммунизм, по мнению З. Бжезинского, представлял собой более серьезную политическую утопию, чем нацизм. Первый апеллировал к разуму, второй – к

эмоциям. Крушение коммунизма отнюдь не означало победу какой-то одной противостоящей ему идеи. Коммунистическая система развалилась по целому ряду причин. Не последнее место среди них занимало то, что сам он видел арену для своей реализации в пространстве экономики, т.е. коммунизм должен был победить капитализм в экономическом соревновании, чего, как известно, не произошло.

В результате падения коммунистической системы на политическую арену в посткоммунистических обществах выходит целый набор взглядов, которые З. Бжезинский назвал «малыми убеждениями». «Поражение коммунизма было, таким образом, частично, и даже очень частично, победой демократической идеи, системы свободного рынка, религии и национализма. Каждый элемент сыграл свою роль – конечно, важную, – но ни один из них не был решающим, объединяющим и мобилизующим фактором. Скорее инстинктивные реакции, скрыто разделяемые убеждения, глубоко запрятанные религиозные чувства и оскорбленное национальное достоинство соединились и привели к разрушению утопии» [3, с. 224]. Падение коммунизма содержит в себе одновременно перспективу и угрозу. Перспективу расширения свободного мира и угрозу хаоса, вызванного тем, что коммунизм был побежден отнюдь не ценностями этого свободного мира, а рухнул под собственной тяжестью. Таким образом, поражение коммунизма в России и Восточной Европе отнюдь не означает автоматически (как это полагали неолибералы) установления там свободы, демократии и рыночной экономики.

«Эти тенденции, которые начинают доминировать в культуре Запада, дают основание для критического, с политической точки зрения, вопроса: имеется ли у Запада идея, набор ценностей и образ жизни, которые служили бы путеводной нитью для политически разбуженного человечества?» [7, с. 38].

Рассматривая политические и философские теории, которые описывают картину современного Запада, существующие в нем ценности и способы формирования идентичности, З. Бжезинский приходит к выводу о том, что Запад

предложил Востоку неправильный способ реформирования. Это – гарантия неуспеха данного процесса.

При формировании образа постсоветской России З. Бжезинский исходит, прежде всего, из своего представления о положении Америки в системе международных отношений в 90-х годах XX века, символизируемого названием раздела «Беспрецедентная глобальная власть». В этой части работы мы видим текстуальную переключку с началом «Великой шахматной доски», которая начинается с той же темы глобального доминирования США. С одной стороны, США после крушения СССР остались единственной сверхдержавой, обладающей беспрецедентным в истории могуществом. Эта ситуация требует от США проведения консервативной политики, направленной на сохранение и защиту существующего мирового порядка, а также его стабильности. С другой стороны, сама сущность американского общества как открытого и динамичного, противоречит идее сохранения существующего.

Кроме того, в современном мире происходит процесс глобализации, в результате которого сама основа доминирования национальных государств в системе международных отношений исчезает. Все эти противоречия З. Бжезинский охарактеризовал как «парадокс глобальной власти», но так как США по природе демократичны, то их доминирование будет означать доминирование демократии и распространение ее по всему миру [11]. В результате основа для господства США исчезает. Культурные тенденции последнего времени ведут к тому, что США играют деструктивную роль в современном мире.

Противоречия, охарактеризовавшие проводимую США политику на международной арене, З. Бжезинский назвал «противоречивым посланием». Рассматривая ситуацию в Евразии, сложившуюся после коллапса коммунистической системы, он характеризует ее как зону «геополитического вакуума». Эта проблема установления «американского мира» в Центральной Евразии становится ключевой для последующей книги З. Бжезинского. В более

долгосрочной перспективе это может привести к возникновению новых политических угроз.

Анализируя структуру этих новых опасностей, пришедших на смену коммунизму, автор отмечает глубокую взаимосвязь коммунистической идеологии и русской имперской идеи. При этом СССР был лишь проявлением все той же царистской идеи. «Распад СССР... означает событие исторически очень важное: конец Российской империи, существовавшей более 300 лет. Эта империя господствовала над самой большой частью обитаемого мира, а ее географическое расположение - в центральной Евразии - означало, что ее влияние и власть нависали над западной, восточной и южной ее частью» [3, с. 183].

В краткосрочной перспективе исчезновение империи в центре Евразии показало, что все попытки изгнать США из этого региона потерпели фиаско. В то же время эта ситуация в долгосрочном плане чревата возникновением хаоса в сердце Евразии. «Вышесказанное подчеркивает необходимость эффективной международной солидарности, направленной на сдерживание динамики глобальной нестабильности. Тем не менее, две основные тенденции могут сдерживать развитие международной солидарности, необходимой для поддержания эффективного международного порядка. Первый из этих факторов включает в себя вопросы посткоммунистического транзита и особенно – России. Второй связан с дилеммой глобального неравенства и в особенности – с ростом Китая» [3, с. 189].

Обращаясь к ошибкам Запада в отношениях с Россией, З. Бжезинский отмечает: «с исторической точки зрения было бы весьма забавно, если бы падение коммунистических догм привело к тому, что руководство коммунистов Россией приняло бы в упрощенном и механическом виде новую догму свободного рынка без учета социальных издержек и политических рисков, которые с этим связаны. Тем не менее, именно это предлагает России Запад. Россия постоянно понуждается Западом строить демократию и свободный рынок. Этот совет усвоен и даже принят в качестве догмы элитой, которая мало понимает наличие весьма

важной связи между культурой и экономикой, и которая произносит слова «демократия» и «свободный рынок» с тем же пафосом, с которым провозглашали ее предшественники «строительство социализма». Необходимо учитывать культурные особенности России, которые настолько укоренены и начинаются с времен «царистской империи». Поэтому ошибкой неолибералов является то, что они пытаются заставить русских как можно быстрее переходить к «рынку» и «демократии», которые отрываются, таким образом, от своей культурно-исторической основы и мифологизируются» [3, с. 194].

В связи с этим З. Бжезинский предлагает два возможных сценария развития ситуации в России. Первый – отказ от имперских амбиций. В этом случае России придется примириться с потерей бывших союзных республик.

Кроме того, учитывая процесс распада национальной идентичности, аналогичной имперской, и то, что различные части Российской империи экономически достаточно слабо связаны между собой и территориально далеки друг от друга, возможен распад страны на несколько государств. Однако это не все возможные издержки отказа России от глубоко укорененной в ней имперской и этатистской идентичности. С одной стороны, даже в случае реализации наиболее оптимистичного сценария западные стандарты экономического развития и даже уровень развития в Восточной Европе не будет достижим в ближайшей исторической перспективе. С другой стороны, России придется отказаться от русских за пределами ее границ и превратиться в аналог Турции времен Ататюрка.

Анализируя националистические настроения в России, З. Бжезинский приходит к выводу о наибольшей вероятности другого сценария. Это - вариант возврата к глубоким, укорененным в культуре традициям этатизма и империализма, «сценарий русского фашизма». «Усиление настроений национализма не означает возврата к коммунизму... Однако концепция сильного государства, которая является уникальной русской традицией, предполагающая, что государство, вводящее строгую дисциплину во имя высшего идеала,

стремится обрести предназначение в виде могущественной империи и определить для себя миссию по отношению к остальному миру, может стать весьма привлекательной. Эта идея способна очистить тот мировоззренческий туман, который окутал умы средней части россиян. Это может помочь вновь обрести реальность в черных и белых красках и оправдать стремление к политическому подчинению. Русский вариант фашизма вряд ли пойдет столь далеко, как нацизм, характеризующийся расистскими настроениями. В противоположность коммунизму и национализму, русский фашизм будет скорее авторитарным, чем тоталитарным, его будет характеризовать скорее шовинизм, чем строгая идеология, государственность, а не коллективизм. Скорее всего, русский фашизм будет реализовываться прежде всего на практике [он не будет объявлен фашизмом. – прим. переводчика]: комбинация диктаторского правления, доминирования государства над частично приватизированной экономикой, шовинизма и пропаганды имперских мифов «об особой миссии» [3, с. 198].

Подводя итоги проделанного анализа, З. Бжезинский формулирует перспективы, связанные с преодолением глобального беспорядка и установлением нового стабильного порядка. Эти перспективы связаны с возвращением к исходным моральным ценностям, с возникновением консенсуса, субъектом которого станет все международное сообщество и которое будет основано на доминировании моральных ценностей. В этом случае американское доминирование постепенно превратится во всеобщее сотрудничество, основанное на принципах свободы и демократии.

Итак, крушение советской империи представляет собой как благо, так и зло. Мир может оказаться «вне контроля». Наивные попытки неолибералов быстро превратить Россию в «нормальную страну» обречены на неудачу. Этому противоречит культурно – историческая сущность политических, социальных и экономических институтов данного государства. Напротив, Россия может, вырвавшись из пут коммунизма, оказаться в ситуации «русского фашизма».

Задачей США в этой ситуации становится возвращение к собственной сущности центра социально-политического идеала и его постепенное осторожное распространение по всему миру в опоре на собственное доминирование в нем.

В первой половине 90-х гг. в США определенной популярностью пользовалась идея необходимости оказания поддержки России и установления тесных связей с ее «демократическим руководством». Однако опубликованная З. Бжезинским статья «Преждевременное партнерство» [14] вновь, как это уже было однажды в разгар перестройки, внесла определенный вклад в разрушение этого консенсуса.

Содержание статьи, как явствует уже из ее названия, заключалось в том, что установление тесных и доверительных отношений между СССР и США в настоящий момент преждевременно и, более того, это противоречит долгосрочным интересам США.

В качестве доказательства своего тезиса З. Бжезинский рассматривал три тревожных с его точки зрения тенденции внешней и внутренней политики «новой» России. Во-первых, он отмечал тенденцию к ослаблению демократических сил внутри страны, усиление националистических и имперско-шовинистических настроений. В качестве примера он ссылаясь на парламентские выборы 1993 г., когда больше половины избирателей проголосовали против западных и либеральных партий. Результатом этого явились электоральные успехи как крайне правых (таковыми он считал ЛДПР), так и крайне левых. Подобные настроения среди избирателей сказались и на позициях различных внутриэлитных групп. В частности, особую тревогу З. Бжезинского вызвало усиление военных внутри страны.

Вторая группа тревожных тенденций заключалась, по мнению автора, в том, что политика России все больше ориентируется на то, чтобы лишить суверенитета и последних остатков самостоятельности бывшие советские республики. Особой критике З. Бжезинский подверг позицию американского правительства по вопросу об украинском ядерном оружии, поддержке якобы «миротворческих», с его точки зрения, действий России на постсоветском

пространстве, а также политики по отношению ко всем прочим республикам бывшего СССР.

Поддержка России по вопросу об украинском ядерном оружии поставила, по мнению З. Бжезинского, под угрозу национальную безопасность данной страны. Украина фактически превратилась в международного парию. США также не дали отпора попыткам России использовать различные межэтнические и межконфессиональные конфликты на постсоветском пространстве для установления доминирования в нем.

В связи с этим критике подвергся тезис неолибералов, что национальные интересы России и США на постсоветском пространстве совпадают, то есть их взаимодействие является «игрой с положительной суммой». По мнению З. Бжезинского, если бы Россия была действительно демократической страной, то интересы России и США на постсоветском пространстве совпадали бы, заключаясь в том, чтобы установить там стабильность. Однако в России побеждают имперские шовинистические настроения. Поэтому под предлогом установления стабильности она пытается превратить новые независимые государства в своих сателлитов. Это — прямой вызов глобальным интересам США. Следовательно, отношения двух государств можно определить лишь как «игру с нулевой суммой», т.е. соперничество [14, с. 56].

Наконец, третьей тревожной тенденцией стала попытка Москвы поставить под контроль посткоммунистические государства Восточной Европы, затруднив им доступ в НАТО и единую Европу. Для обоснования подобной политики в глазах американских неолибералов Россия использовала тезис о том, что отношения между Москвой и странами НАТО должны быть более теплыми и доверительными, чем отношения между Восточной Европой и Северо-Атлантическим альянсом. Это, по мнению З. Бжезинского, чистый обман. Ведь в результате страны Восточной Европы окажутся в изоляции, что, по мнению автора, приведет к установлению контроля России над ними.

С другой стороны, страны Западной Европы и в особенности – Германия воспримут это как предательство со стороны США. В результате они могут отвернуться от Северо-Атлантического альянса и вступить в сепаратную сделку с Москвой.

В заключение своей работы З. Бжезинский формулирует некоторые тезисы, которые станут основой для видения нового мира, развернутого в работе «Великая шахматная доска». Он указывает на решающую роль Евразии в обеспечении глобального доминирования и на стратегически важную позицию, которую занимает постсоветское пространство в рамках Евразии. «Попустительство» либералов может, по мнению З. Бжезинского, привести к тому, что в России могут прийти к власти имперские силы, т.е. она будет потеряна для Запада. Затем эти силы, пользуясь позициями, захваченными в постсоветском пространстве с благословения администрации Клинтона, восстановят бывшую советскую империю в виде системы вассальных государств. Далее эта система будет расширена на Восточную Европу, лишенную защиты стран НАТО, и, наконец, Западная Европа отвернется от предавшей ее Америки и вступит в союз с Москвой. В результате Америка потеряет как Евразию, так и свое положение в мире, превратившись в простую региональную державу.

Для недопущения развития подобных тревожных тенденций З. Бжезинский предлагает использовать контроль США над странами Восточной Европы и республиками бывшего СССР по модели «санитарного кордона» времен Версальской системы для того, чтобы изолировать Россию от Европы. После этого больной-Россия, оказавшись лицом к лицу с очевидной невозможностью реализации своего имперского «бреда», постепенно начнет выздоравливать.

Все описанные выше темы получили полное завершение в работе «Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы» [4]. Эта книга важна еще и потому, что она перекликается и по названию, и по содержанию с другой, более ранней книгой того же автора «План игры. Геостратегические рамки проведения советско – американского

противостояния» [11], в обеих книгах делается попытка выработать консенсус всех политических сил внутри США по поводу центральных элементов внешней и военной политики в различных международных контекстах. Это, в свою очередь, предполагает четкое и развернутое представление образа мира или онтологии, стоящей за предлагаемой стратегией. Цель «Великой шахматной доски» – проанализировать характер американской гегемонии и возможности ее сохранения. Существует место, являющееся ключевым с точки зрения этой проблемы, и это место – Евразия.

«Главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство, и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте» [4, с. 27].

Какова же структура этого пространства? Здесь мы приведем лишь суждение о республиках бывшего СССР. «Пространство между западной и восточной оконечностями имеет небольшую плотность населения, является в настоящее время политически неустойчивым и организационно расчлененным обширным средним пространством, которое прежде занимал могущественный соперник американского главенства – соперник, который когда-то преследовал цель вытолкнуть Америку из Евразии. На юге этого большого центрально-евразийского плато лежит политически анархический, но богатый энергетическими ресурсами регион, потенциально представляющий большую важность как для западных, так и для восточных государств, имеющий в своей южной части густонаселенную страну, претендующую на региональную гегемонию» [4, с. 29].

Каковы возможные сценарии взаимодействия в этом пространстве? «На этой огромной, причудливых очертаний евразийской шахматной доске,

простирающейся от Лиссабона до Владивостока, располагаются фигуры для «игры». Если среднюю часть можно включить в расширяющуюся орбиту Запада (где доминирует Америка), если в южном регионе не возобладает господство одного игрока, и если Восток не объединится таким образом, что вынудит Америку покинуть свои заморские базы, то тогда, можно сказать, Америка одержит победу. Но если средняя часть даст отпор Западу, станет активным единым целым и либо возьмет контроль над Югом, либо образует союз с участием крупной восточной державы, то американское главенство в Евразии резко сузится. То же самое произойдет, если два крупных восточных игрока каким-то образом объединятся. Наконец, если западные партнеры сгонят Америку с ее насеста на западной периферии, это будет автоматически означать конец участия Америки в игре на евразийской шахматной доске, даже если это, вероятно, будет также означать, в конечном счете, подчинение западной окончности ожившему игроку, занимающему среднюю часть» [4, с. 35].

В описании ключевых геополитических точек Евразии можно выделить одну тенденцию. Среди государств-точек, то есть, точек, которые сами являются действующими лицами международной политики, вполне справедливо перечисляются такие страны, как Китай, Германия, Франция, Россия. Однако все точки - объекты, не являющиеся действующими лицами международной политики, определяются в перспективе недопущения возрождения России как империи, угрожающей американским интересам в Евразии.

В «Великой шахматной доске» З. Бжезинский вновь формулирует долгосрочные и краткосрочные проблемы, связанные с распадом среднеевразийской империи. «Для Америки эта новая и ставящая в тупик геополитическая ситуация представляет серьезный вызов. Понятно, что незамедлительная ответная задача заключалась в уменьшении возможности возникновения политической анархии либо возрождения враждебной диктатуры в распадающемся государстве, все еще обладающем мощным ядерным арсеналом.

Долгосрочная же задача состоит в следующем: каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и ее экономическому восстановлению и в то же время не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надежно связана» [4, с. 39].

Ключ к долгосрочному господству над Евразией – интеграция России в евроатлантическую систему, развитие в ней демократии и рыночной экономики. Тогда Россия превратится в подлинного партнера Америки, а не ее «клиента» и «сателлита». Все это связано с тем, насколько успешно Россия сможет инкорпорировать в свое институциональное устройство принципы демократии, свободы и рынка.

Однако именно это и представляется З. Бжезинскому в высшей степени непростым. Возможно, что Россия в ее нынешнем состоянии вообще неспособна к реформированию. Тогда единственным средством ускорения прогресса становится распад страны.

Причина неуспешности перемен в России кроется, по мнению З. Бжезинского, с одной стороны, в том, что претензии раннедемократического руководства России на нечто вроде глобального кондоминиума с Америкой, на совместное управление миром, на полную гармонизацию интересов были абсолютно нереалистичны.

С другой стороны, Россия, ее особенности и интересы, не могут не приниматься в расчет. Более того, партикулярные особенности политической культуры России и ее специфическое понимание своих интересов не могут быть просто нейтрализованы американским влиянием на нее. «Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом. Более вероятна ситуация, при которой Россия станет проблемой, если Америка не разработает позицию, с помощью которой ей

удастся убедить русских, что наилучший выбор для их страны – это усиление органических связей с трансатлантической Европой» [4, с. 66].

Россия для постепенного наращивания взаимодействия с Западом должна будет выполнить два базовых внешнеполитических требования: не ограничивать суверенитет бывших союзных республик («геополитический плюрализм» на постсоветском пространстве) и не мешать расширению НАТО.

Следовательно, Россия стоит перед дилеммой: выбор в пользу Европы и Америки в целях получения ощутимых преимуществ, требует, в первую очередь, четкого отречения от имперского прошлого и, во вторую – никакой двусмысленности в отношении расширяющихся связей Европы в области политики и безопасности с Америкой. Первое требование означает согласие с геополитическим плюрализмом, который получил распространение на территории бывшего Советского Союза. Такое согласие не исключает экономического сотрудничества, предпочтительно на основе модели старой европейской зоны свободной торговли, однако оно не может включать ограничение политического суверенитета новых государств по той простой причине, что они не желают этого... Со вторым требованием, возможно, будет еще труднее согласиться. Подлинные отношения сотрудничества с трансатлантическим сообществом нельзя основывать на том принципе, что по желанию России можно отказать тем демократическим государствам Европы, которые хотят стать ее составной частью. Нельзя проявлять поспешность в деле расширения этого сообщества, и, конечно же, не следует способствовать этому, используя антироссийскую тему. Однако этот процесс не может, да и не должен быть прекращен с помощью политического указа, который сам по себе отражает устаревшее понятие о европейских отношениях в сфере безопасности. Процесс расширения и демократизации Европы должен быть бессрочным историческим процессом, не подверженным произвольным с политической точки зрения географическим ограничениям.

Однако все это – лишь внешнеполитические требования. Однако внутри Россия явно будет продолжать «болеть». Именно поэтому у З. Бжезинского и возникает идея «санитарного кордона», который был применен к Советской России в рамках Версальской системы с целью ограничения распространения коммунизма и противопоставления ему новых национализмов на восточноевропейском пространстве. «... для Запада и особенно для Америки также важно проводить линию на увековечивание дилеммы единственной альтернативы для России. Политическая и экономическая стабилизация постсоветских государств является главным фактором, чтобы сделать историческую самопереоценку России необходимостью. Следовательно, оказание поддержки новым государствам – для обеспечения геополитического плюрализма в рамках бывшей советской империи – должно стать составной частью политики, нацеленной на то, чтобы побудить Россию сделать ясный выбор в пользу Европы. Среди этих государств три страны имеют особо важное значение: Азербайджан, Узбекистан и Украина». Их независимость от России нужно поддерживать всеми возможными средствами.

В заключение З. Бжезинский вновь отмечает, что американские контроль, доминирование и «сдерживание» нужны лишь как временная мера, направленная на распространение в мире космического порядка, характеризуемого демократией, политической свободой и рыночной экономикой. Однако это вовсе не означает никакого «конца истории». Перед человечеством могут возникнуть новые проблемы, которые составят содержание очередного этапа исторического развития.

2.2 Представления З. Бжезинского о России и ее месте в мире в период правления В.В. Путина

С начала нового XXI столетия, общемировые тенденции и расстановка политических сил, соответственно и воззрения Збигнева Бжезинского претерпели значительные изменения. Так, в книге «Великая шахматная доска» в 1998 г.

Бжезинский пишет о том, что США, чтобы оставаться единственной сверхдержавой, должны взять под политический контроль Центральную Азию, в 2008 г. – о том, что у США ещё есть «второй шанс» построения однополярного мира, в 2012 г., в своей новой книге «Стратегическое прозрение» [15] он констатирует уменьшение политического влияния США в мире и установление многополярного мира как уже объективно свершившуюся реальность.

Таким образом, Бжезинский приходит к необходимости полного переосмысления дальнейшей стратегии США. Наиболее удивительным в его анализе геополитической реальности является тот факт, что он полностью пересматривает своё традиционно негативное отношение к России, по его выражению, национальному государству «с весьма неопределёнными границами и непонятной национальной идентичностью» [8]. Более того, Бжезинский считает, что выживание Запада в многополярном мире полностью зависит от того, удастся ли интегрировать Россию в систему Запада.

Американский экономист Джеймс К. Гэлбрайт в своей статье в 2004 г. написал: «...для Бжезинского вредить России – это хобби» [46]. Тем более удивительны метаморфозы внешнеполитических взглядов влиятельного американского международника. По его признанию в 1998 г. французской газете «Le Nouvel Observateur», он способствовал обострению противостояния США с Советским Союзом и намеренно довёл ситуацию в Афганистане до эскалации, что вызвало войну, миллион убитых и возникновение Аль-Каиды: «В тот день, когда русские официально переступили советско-афганскую границу, я написал президенту Картеру: сейчас у нас есть возможность устроить для СССР его собственный Вьетнам» [19].

По мнению Бжезинского, российская политическая элита сильно отличается от посткоммунистических элит, сформировавшихся в странах восточной Европы, по своему составу и взглядам. «В нынешнем руководстве России нет ни единого бывшего политического диссидента... Российская же политическая элита в ее нынешнем виде в основном включает в себя бывших аппаратчиков,

криминализованных олигархов, а также руководителей КГБ и армии. От советского прошлого эти люди если и отрекаются, то лишь поверхностно» [37, с. 87].

Новая команда президента Владимира Путина целиком состоит из таких людей, которые, существовав Советский Союз и поныне, вполне могли бы сейчас трудиться на высоких должностях в советских руководящих органах, особенно в КГБ. В этом отношении Бжезинский размышляет о политической «родословной» В. В. Путина: «Это аппаратчик в третьем поколении: его отец был партийным функционером, а дед даже служил в личной охране сначала Ленина, а потом Сталина. Хотя Путин и повесил у себя в кабинете портрет Петра Великого, то, что он окружает себя бывшими сотрудниками КГБ и восхищается своим предшественником на посту главы этого ведомства, Юрием Андроповым, показывает, что новый президент России – не русский Ататюрк» [37, с. 110]. Геополитические установки президента, тем самым, отражают особенности мышления не первого постсоветского, а последнего советского поколения.

Среди крупных геополитических единиц на территории Евразии (к таковым относятся Европейский союз, Россия, Китай и Япония) только о ЕС и Японии можно сказать, что они полностью признают свою глубокую заинтересованность в международной стабильности. По отношению к Китаю и России ситуация не столь однозначна. Эти две страны по-прежнему хотели бы добиться более или менее существенных сдвигов в соотношении сил на мировой арене. Однако вместе с тем они учитывают ограниченность своих возможностей и осознают свою заинтересованность в сотрудничестве с Западом. Китай склонен к такому сотрудничеству главным образом потому, что долгое время успешно развивается экономически; Россия – по причине своих экономических неудач.

Бжезинский утверждал, что ни Америка, ни тем более Европа сами не в силах наставить Россию на истинный путь и преобразить ее. Прозрение России должно прийти изнутри, во многом подобно тому, как это случилось в первой половине XX века при распаде Османской империи и становлении современного

государства в Турции. Но Америка и Европа могут создать для России такие внешние условия, которые были бы благоприятны для желаемых перемен и даже существенно стимулировали бы их. И это значит, что, несмотря на оправданный в настоящий момент пессимизм по отношению к мировоззрению нынешнего политического руководства России, есть достаточно оснований для оптимизма в долгосрочной перспективе.

Постепенное включение России в расширяющееся трансатлантическое сообщество – необходимая составная часть любой долгосрочной стратегии Соединенных Штатов, нацеленной на укрепление стабильности на гигантском евразийском континенте. Стремление к этой цели потребует терпения и стратегического упорства. Тут не может быть короткого и простого пути. Следует создать такие геостратегические условия, чтобы русские убедились: для самой России было бы лучше всего стать по настоящему демократическим европейским постимперским государством, тесно взаимодействующим с трансатлантическим сообществом.

Сравнивая потенциальных соперников Россию и Китай, Бжезинский приходит к выводу: «Китай преуспевает благодаря притоку иностранных инвестиций; Россия опасается потенциальных угроз на своих южных и восточных рубежах и ощущает, что все меньше может полагаться на свою ядерную мощь. Китай уверен в себе; Россия же смущена» [16, с. 32]. Названные факторы позволяют с успехом проводить по отношению к России и Китаю стратегию, нацеленную на их вовлечение в структуры международного сотрудничества. Действуя в данном направлении, следует ориентироваться на создание и развитие в Евразии двух все более тесно связанных друг с другом геостратегических треугольников: первый из них включает США, ЕС и Россию, а второй – США, Японию и Китай. Что бы связь между ними была прочной и действенной, необходимо конструктивное взаимодействие с Россией.

По мнению геостратега, Западу необходимо и впредь помогать России. Однако помощь не следует адресовать федеральным властям. Россия достаточно

богата, чтобы решать свои основные проблемы, опираясь на собственные ресурсы, а западная помощь нередко лишь закрепляет худшие привычки нынешней элиты. К тому же природа финансовой помощи такова, что ее можно использовать в любых целях, а значит, и направлять на обеспечение военных программ и операций, таких, как чеченская. Поэтому помощь Запада надо сосредоточить прежде всего на содействии зарождающимся в России неправительственным общественным организациям, чья деятельность способствует формированию в стране новой, более молодой и обладающей более широкими взглядами элиты, осознающей свою заинтересованность в создании общества, которое базировалось бы на верховенстве права.

В 2001-м году была опубликована статья Бжезинского «Как строить отношения с Россией», перепечатанная в журнале «Pro et contra» [8]. В ней автор рассуждает о том, как США должны укреплять стабильность и демократию на евразийском континенте. Бжезинский четко и открыто заявляет о желании США противостоять евразийской интеграции. С этой целью он призывает выявлять с геостратегической точки зрения страны, потенциально способные взять на себя роль катализатора в процессе возрождения и укрепления Евразийского Союза; продвигать далее жизненные интересы США, опираясь на более широкую и всеобъемлющую стратегию коллективной безопасности. Следовательно, Америка, по словам Бжезинского, стремится не допустить объединения Европы и Азии. Подобный геополитический курс является наиболее амбициозным, опасным и чреватым самыми неожиданными последствиями для всего мира политики.

В своей книге «Ещё один шанс» Збигнев Бжезинский пишет о том, что Америка должна вести за собой человечество, которое иначе обречено на всеобщий хаос. Для этого у неё ещё остается второй и последний шанс. А чтобы реализовать его, Бжезинский призывает кардинально обновить тактическую программу, признав и адаптировав те самые процессы «всемирного политического пробуждения», которые направлены против Соединённых Штатов.

Там же американский геостратег рассматривает и оценивает внешнеполитическую деятельность трёх американских администраций (Джорджа Буша-старшего, Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего) с позиций своего личного опыта, на чем он акцентирует особое внимание [7].

Бжезинский особенно жестко критикует политику неоконсерваторов под руководством Буша-младшего. Он пишет, что открыто выставляемые империалистические амбиции тормозят и даже сводят на нет возможность США выстроить новый мировой порядок в XXI в. По мнению Бжезинского, война неоконсерваторов против терроризма была воспринята в исламском мире как война против ислама как религии, и поэтому это ослабило авторитет и уважение к США в этом регионе. Кроме этого, Бжезинский в этой книге обвинил неоконсерваторов в том, что они слишком мало делали против усиливающегося союза России и Китая.

Тем не менее в 2007 г. Збигнев Бжезинский всё еще видел «второй шанс» для Америки реализовать планы однополярного мира, сформулированные им в 1998 г. в «Великой шахматной доске». В книге «Ещё один шанс» Бжезинский пишет о том, что решающим для Америки будет более успешное использование «второго шанса» после 2008 г., по сравнению с тем, как она использовала свой «первый шанс», потому что третьего шанса у США уже не будет [7].

Касаясь эволюции России, Бжезинский полагал, что в ближайшие 20–25 лет, пока Америка копит свои силы для нового глобального экспансионистского рывка, она должна стать прикрытием создаваемой Штатами мировой системы, а в отношениях с «могучими перенаселёнными азиатскими государствами» – быть исключительно защитником и транслятором «западных ценностей» [7].

В своей новой книге «Стратегическое прозрение» 2012 г. Бжезинский, следуя предложенной им аргументации, делает вывод о том, что США не использовала этот свой «второй шанс»: «В будущем Америка должна будет проводить более ответственную и утонченную политику, чем раньше. Мировое доминирование одной-единственной державы в мире больше невозможно, вне зависимости от

того, насколько она сильна или слаба. Особенно это касается ситуации, когда на мировую арену вышли новые региональные державы» [16, с. 57].

Бжезинский утверждает, что с установлением многополярного мира подходит к концу и вся 500-летняя эпоха мирового доминирования атлантических морских держав. В одном из интервью, говоря о последствиях такого развития событий, Бжезинский говорит: «В основном это значит, что мы больше не можем диктовать нашу волю. Мы больше не можем быть устрашающим глобальным игроком, который регулирует международные дела в мире» [16, с. 63]. Новый мир означает в том числе то, что граничащие с региональными державами страны – Грузия, Тайвань, Южная Корея, Пакистан, Афганистан, Украина, Израиль и части Ближнего Востока – утратят свою привязанность к США и будут вовлечены в силовую сферу влияния этих новых держав.

В своей новой книге Бжезинский видит мир и его будущее по-другому, отмечая всё более увеличивающуюся тенденцию ослабления западного сообщества. По его мнению, если Западу не удастся заключить долгосрочный стратегический союз с Россией и Турцией, то это может обернуться для него глобальной изоляцией. Важность такого стратегического шага определяется сближением Китая и России. Бжезинский заключает: время всемогущего игрока для Америки прошло, теперь уже США не могут, как раньше, самоуверенно предстать в надменной позе перед Россией, Китаем, Индией, Бразилией, Ираном или Пакистаном.

Решающим для будущего международного статуса Запада и для его укрепления будет вовлечение России в расширенное сообщество западных стран. Такой союз, который базировался бы на универсальной системе политической культуры и ценностях и простирался бы от Ванкувера до Владивостока, обладал бы значительным политическим весом в мире, пишет Бжезинский. В интервью «Российской газете» Бжезинский заявил: «Россия должна стать членом Евроатлантического сообщества. Россия – это европейская страна и должна быть его частью» [17].

К тому же, по его мнению, в России уже сейчас постепенно кристаллизуется гражданское общество западного типа. В докладе для организации «Center of Strategic and International Studies» Бжезинский сказал, что Россия уже сегодня намного демократичнее, чем это показывают американские СМИ: «Если ты сегодня живёшь в России, то ты можешь свободно читать в газетах прямую критику в адрес Путина – факт, достойный похвалы, которую в Америке не часто услышишь» [42]. По его мнению, тенденция демократизации России будет продолжаться и усиливаться, и вовлечение России в систему Запада можно будет осуществить в несколько ступеней и в нескольких вариантах.

Обеспокоенность судьбой Запада проявляется Бжезинским в поиске путей его выживания: судьба всего западного сообщества зависит от того, удастся ли Западу обновление. В докладе он говорит: «Мы больше не можем быть глобальным полицейским, потому что это приведёт нас к банкротству, вызовет внутривластные социальные взрывы и внешнеполитически приведёт к потере легитимности США ... Америка может испытать тот же системный паралич, который был в 1980-х годах в Советском Союзе» [42].

В предисловии к книге «Стратегическое прозрение» Бжезинский приводит несколько параллелей между сегодняшними США и Советским Союзом 1980-х годов, выделяя застывшую, закостенелую и не способную к реформам политическую систему, финансовое банкротство вследствие военных авантюр и раздутого военного бюджета и военной промышленности, падающий уровень жизни населения США, наличие политического класса, нечувствительного к растущему социальному неравенству и думающего только о собственном обогащении, попытки компенсировать внешнеполитическими картинками врага снижающуюся легитимность власти внутри страны, внешнюю политику, ведущую к самоизоляции в мире.

Этот всесторонний паралич может быть преодолен только в том случае, если США проведут масштабные внутри- и внешнеполитические реформы. Внутривластные реформы должны выражаться в сокращении жажды наживы

и коррупции в западных экономиках, а также в увеличении возможностей социальных лифтов в западных обществах. «С высокой смертностью младенцев, высокой безработицей, разваливающейся инфраструктурой и низкой возможностью социальных лифтов, как сегодня в США и на Западе в целом, такое общество не может быть привлекательной моделью для других», – пишет Бжезинский [16, с.118].

Внешнеполитический паралич США могут превозмочь только в том случае, если будет устранено то безразличие, с которым сегодня относится западная общественность к другим странам. По мнению Бжезинского, сегодняшние, впрочем, как и вчерашние, американцы практически ничего не знают о других народах. В книге «Стратегическое прозрение» Бжезинский цитирует статистические данные, которые показывают, что 75% американцев не знают, где на географической карте находится Иран, а 88% не могут найти Афганистан [16, с. 98]. Предыдущее десятилетие показало, что американцев уже нельзя отвлечь внешнеполитическими авантюрами от забот о жизни в собственной стране. Присутствие американских войск в Ираке, Афганистане, на Балканах не решило ни одной собственно американской проблемы и само стало фактором недовольства для многих американцев.

Любопытна новая позиция Бжезинского по отношению к Ближнему Востоку: если США или НАТО начнут на Ближнем Востоке новую войну, это приведёт к растущему антиамериканизму, который будет причиной утраты влияния Запада в целом в этом регионе Земли. Он пишет: «Я думаю, весь мир будет над нами смеяться, если мы пойдём войной на Иран» [16, с. 133].

В «Стратегическом прозрении» Бжезинский акцентирует внимание на том, что в западных СМИ слышны голоса почти исключительно сторонников войны, умеренные мнения подавляются. По его мнению, это касается не только США, но и СМИ всех западных стран. И в Европе тоже общественные обсуждения в СМИ всё более и более направлены на создание образа врага, при этом противоположная внешнеполитическая позиция стран в европейских СМИ

искажается или даже совсем утаивается. Бжезинский подчёркивает в книге, что только Обама из всех остальных нынешних кандидатов в президенты способен осуществить изменение внешнеполитического курса, который так необходим сегодня Америке.

«Стратегическое прозрение» Бжезинского дает повод для надежды, что союз западных государств все же еще мог бы быть способен на самоисправление, чтобы нам на Западе всё-таки удалось бы избежать предсказываемые Бжезинским мировую изоляцию и закостенение, как это произошло в 1980-х с Советским Союзом.

Ещё два года назад Бжезинский отказывал России в равноправном партнёрстве, прикрывая это политическим реализмом. Так, вхождение России в НАТО он приравнивал к фактическому уничтожению Северо-Атлантического альянса. Правда, сейчас речь не идет о вступлении России в НАТО, но и заявлений подобного типа уже нет.

Если прежде Бжезинский говорил о том, что у России нет выбора, поэтому ей нужно идти в сторону Запада, то в 2012 г. он пишет не только о заинтересованности её движения в этом направлении со стороны западных стран, но и о необходимости интеграции России в систему Запада.

На конференции в Центре Уилсона, в 2014 году, Збигнев Бжезинский заявил, что ничто в международном диалоге с Западом не задело Путина так сильно, как слова президента Обамы, который назвал Россию сильной региональной державой. Более обидной характеристики он дать не мог[40].

Высказываясь о внешнеполитическом курсе России, Бжезинский говорил о четырех ключевых концепциях, изложенных российскими идеологами внешней политики, которые, по его мнению, отражают новое шовинистское мировоззрение российских лидеров: Во-первых, концепция разделенного народа, во-вторых, тема защиты сограждан за рубежом, в-третьих, тема русского мира, в-четвертых, значение признания и сохранения, приятия и продвижения Великой русской цивилизации.

Украинский кризис Бжезинский также связывал с российскими геостратегическими интересами. «То, что мы сейчас наблюдаем на Украине... – симптом более серьезной проблемы – а именно, постепенного и устойчивого подъема российского квази-мистического шовинизма, который продолжается уже в течение шести или семи лет. Главную роль в этом сыграл Путин, и содержание этой новой концепции полностью определяет отношения России с миром в целом и с Западом в частности» [40].

Россия, которая ориентируется на сотрудничество с Европой, нацелена и на сотрудничество с Китаем (пусть и с некоторой потенциальной территориальной напряженностью на северо-востоке), а также улучшает свои отношения с США, может стать страной, которая с помощью компромисса решит украинский вопрос.

Насчет подъема пророссийских движений в европейских демократических странах в связи с санкциями, введенными Европейским Союзом из-за присоединения Крыма, Бжезинский считает, что они слишком преувеличены, в основном благодаря усилиям журналистов, преследующих собственные интересы. «Разумеется, отдельные лидеры этих движений восхищаются им – прежде всего благодаря его авторитарному подходу к управлению; но я не вижу доказательств массовой симпатии к нему в какой-либо серьезной стране. Некоторые группы и политические лидеры могут позиционировать себя как пророссийские, это правда, и русская разведка мутит воду, пытаясь подорвать единство Европы по вопросу антироссийских санкций, поддерживая сочувствующие Москве политические силы».

Еще одна глобальная политическая проблема, остро стоящая на повестке дня – Сирийский конфликт. По словам Бжезинского из газеты «TheAmericanInterest» Москва предпочла осуществить военное вмешательство, которое проходит без политического и тактического сотрудничества с США – главной зарубежной державы, которая предпринимает не очень эффективные попытки сместить Башара Асада. Ведь, кроме того, Россия предположительно начала наносить авиаудары по сирийским «элементам», которых спонсируют, обучают и

снаряжают американцы. В лучшем случае это демонстрация российской военной некомпетентности, в худшем – доказательство опасного желания подчеркнуть политическое бессилие Америки. В обоих случаях на кону как будущее региона, так и авторитет США среди стран Ближнего Востока [43].

В этих быстро развивающихся событиях у США есть лишь одна реальная возможность защитить свои интересы – донести до Москвы требование о том, что Россия должна отказаться от военных операций, которые напрямую отражаются на «американских активах». «У России есть полное право поддерживать господина Асада, если уж она так того желает. Но любое повторение произошедших только что событий должно привести к ответным мерам со стороны США» [43]. Присутствие военно-воздушных и военно-морских сил России в Сирии уязвимо, поскольку географически они изолированы от своей страны. Их можно «разоружить», если они продолжают провоцировать США. Но все же лучше убедить Россию действовать вместе с Соединенными Штатами и совместно добиться урегулирования региональной проблемы, которая не ограничивается интересами какого-то одного государства.

Интересным представляется мнение Бжезинского по поводу обвинений России о вмешательстве в американскую политику с целью изменить результат выборов 2016 года в пользу Трампа, опубликованное в «Huffington Post» в 2016 году: «Да, российская разведка, разумеется, была непосредственно вовлечена в происходящее. Да, Путин также был лично причастен к ним. Российская разведка – это не независимая организация, это государственная служба, созданная для определенных политических целей. Путин полностью контролирует госаппарат, в этом нет никаких сомнений. Вмешательство имело совершенно определенную цель. Русские рассчитывали таким образом осложнить американскую политическую жизнь, хотя изначально не слишком были уверены, что Путин сможет каким-либо образом повлиять на события и помочь Трампу выиграть. Позже ситуация изменилась, Трамп набирал популярность, и это побудило их взяться за дело серьезнее. Они стали более амбициозны и настойчивы. Однако я

совершенно не имею в виду, что российские усилия повлияли решающим образом на выборы и привели к успеху избранного президента Трампа. Он одержал победу исключительно из-за внутренних американских факторов и благодаря своему впечатляющему политическому мастерству. С другой стороны, было бы неверно утверждать, что усилия России никак не сказались на результате выборов» [39].

Бжезинский в публикации «The American Interest» не смог не констатировать тот факт, что в настоящее время, Россия впервые за свою историю становится по-настоящему национальным государством, что является исключительно важным и в то же время не воспринимается всерьез [43].

Трансформация взглядов апологета «холодной войны» свидетельствует о коренном изменении ситуации на международной арене, и как показывает опыт Карибского кризиса, о необходимости договариваться со своими оппонентами. К сожалению, действующие политики не всегда прислушиваются к советам академического сообщества и экспертов.

Выводы ко второй главе:

Можно выделить три момента, которые характерны для работ З. Бжезинского о постсоветской России при Ельцине:

1) Россия сохраняет в себе базовые черты врага США. Разумеется, это не мешает использовать этого врага для тех или иных ситуативных целей. Однако перестать быть врагом и превратиться в партнера Россия стать в обозримой перспективе не сможет. Партнерство протекает, если можно так выразиться, «на поверхности», в то время, как, в глубине пространства России, сохраняется базовая угроза. Можно сделать вывод, что в работах З. Бжезинского сохраняется образ России как врага.

2) Глубокая укорененность политических традиций в России делает любые попытки создать в этой стране «нормальные» (западные) политические, социальные и экономические институты, которые принесут ей успех в современном мире, бесполезными в обозримой перспективе. Здесь мы не можем

не отметить связи с идеей З. Бжезинского, высказанной в его более ранних работах, что коммунизм оказался неэффективным именно в России, что связано с ее историей и культурой. Россия – СССР как не может быть эффективным государством. Именно поэтому партнерства США и России не будет в обозримой перспективе.

3) Само геополитическое положение России делает ее, даже и в ситуации ее кризиса и слабости, чрезвычайно опасным потенциальным противником и чрезвычайно полезным потенциальным союзником. Однако глубокие историко-культурные корни в России и предполагаемая неудача попыток ее реформирования делают в обозримой перспективе вероятным скорее первое, чем второе. По крайней мере, необходимы постоянные усилия США для того, чтобы избежать первого сценария.

С начала нового XXI столетия, общемировые тенденции и расстановка политических сил, соответственно и воззрения Збигнева Бжезинского претерпели значительные изменения. Так, в книге «Великая шахматная доска» в 1998 г. Бжезинский писал о том, что США, чтобы оставаться единственной сверхдержавой, должны взять под политический контроль Центральную Азию, в 2008 г. – о том, что у США ещё есть «второй шанс» построения однополярного мира, в 2012 г., в своей новой книге «Стратегическое прозрение» он констатирует уменьшение политического влияния США в мире и установление многополярного мира как уже объективно свершившуюся реальность.

Таким образом, в его анализе геополитической реальности является тот факт, что он полностью пересматривает своё традиционно негативное отношение к России, по его выражению, национальному государству «с весьма неопределёнными границами и непонятной национальной идентичностью».

В последние годы жизни, Бжезинский констатирует тот факт, что в настоящее время, Россия впервые за свою историю становится по-настоящему национальным государством, что является исключительно важным и в то же время не воспринимается всерьез.

Трансформация взглядов апологета «холодной войны» свидетельствует о коренном изменении ситуации на международной арене, и как показывает опыт Карибского кризиса, о необходимости договариваться со своими оппонентами. К сожалению, действующие политики не всегда прислушиваются к советам академического сообщества и экспертов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В выпускной квалификационной работе был исследован образ России, играющий системообразующую роль в структуре политического «образа мира» З. Бжезинского. Это позволило получить ряд выводов, которые возможно использовать при стратегическом планировании развития российско-американского сотрудничества в будущем.

В развитии образа СССР периода холодной войны выявлены 4 этапа.

Первый – 1940-50-е годы – время восприятия СССР как места утверждения и распространения тоталитаризма. В этот период творчество З. Бжезинского было посвящено исследованию феномена тоталитарного государства.

Второй – 1960-е годы – основным направлением в исследованиях становится холодная война, а именно ее истоки, причины и прогнозирование ее результатов. Этот период творчества З. Бжезинского характеризовался, во-первых, отказом от противопоставления демократии и тоталитаризма (в совместной работе с С. Хантингтоном). Это осуществлялось в рамках теории конвергенции двух систем. Логичным выводом из данной концепции была теория мирного сосуществования двух блоков. Во-вторых, З. Бжезинский был вынужден отказаться от рассмотрения СССР как тоталитарного государства и перейти к пониманию СССР как «институционализированной олигархии».

Третий этап – 1970-е годы – отмечен развитием противоречивых тенденций. С одной стороны, этот период характеризуется возникновением ревизионизма, который возник как реакция на жесткую политику Г. Трумэна в отношении СССР и являлся попыткой объективно оценить роль США в возникновении холодной войны, С другой стороны, в этот период появилась интерпретация СССР как политического образования, не способного к восприятию базовых демократических ценностей.

В это время на первый план выходит отставание России от США, Негибкость тоталитарной системы не позволяет ей сохранить свою мировую систему. Возникает возможность использования против СССР сил Третьего мира. Силы

нового витка «технотронной» модернизации, национализма и экстремизма представляют собой прорыв новых сил, неподконтрольных существующей мировой системе. С одной стороны, эта буря может оказаться живительной, так как она уничтожит силы «старого» порядка. С другой стороны, для противостояния им образуется парадоксальный «блок» двух супердержав – «совладельцев» мира.

Четвертый этап – 1980 - начало 1990-х годов – 1980-е гг. являются период акцентировки неизбежности неудач практики перестройки социалистической системы. На данном этапе взгляды З. Бжезинского претерпевают очередную эволюцию. В частности, основной причиной изменений в странах социалистического блока он считает не требования идеологии, а развитие современных технологий и необходимость модернизации.

В 1980-е гг. З. Бжезинский пишет о конфликтах внутри коммунистического блока, а также – о неизбежном неуспехе «перестройки». В образе СССР подчеркиваются черты исторической преемственности между его настоящим и прошлым. В результате на фоне крушения СССР все больше проявляется образ России как места, потенциально склонного к неудачам.

В международных отношениях З. Бжезинский полагал, что сохранится противостояние между СССР и США, однако верно предсказал тенденцию к объединению Европы. Необходимо отметить, что З. Бжезинский, как и другие исследователи, не смог предсказать краха СССР и всей социалистической системы, поэтому события начала 1990-х гг. привели его в некоторую растерянность. Он выражал беспокойство по поводу утраты западным миром целей развития в связи с победой над коммунизмом.

Необходимо отметить, что образы СССР и США в работах З. Бжезинского в этот период не сводятся к простой черно-белой схеме. СССР – противник, «исторический конкурент», но не «абсолютный враг».

Представления о мире З. Бжезинского видятся нам более сложными, чем это представлялось некоторым советским исследователям. В них важно

взаимодействие между образами США и СССР и образом мировой политики. В последней наблюдаются новые тенденции, которые представляют наибольшую опасность. Отношения между сверхдержавами при всей их сложности все же могут быть контролируемы и управляемы. В них возможны ситуационные союзы и соглашения. При отказе от совместного решения новых проблем, окончательно разрушится мировой порядок и в международных отношениях сформируется ситуация «войны всех против всех».

Наконец, образ СССР дополняется еще одной важной для его последующего развития в работах З. Бжезинского деталью. Россия оказывается местом неуспешного осуществления коммунистической идеологии. Причем неуспешным оказывается именно то в ней, что связано с историей России. При этом отмечается и то, что Россия до революции была местом неуспешного и поверхностного подражания американско-европейским социально-политическим традициям.

В свою очередь, можно выделить моменты, которые характерны для работ З. Бжезинского о постсоветской России:

Россия несет в себе глубоко укорененные в истории и культуре противоречия, породившие когда-то коммунизм и вновь способные его воссоздать.

По своей сути Россия сохраняет в себе базовые черты врага США. Разумеется, это не мешает использовать этого врага для тех или иных ситуативных целей. Однако перестать быть врагом и превратиться в партнера Россия стать в обозримой перспективе не сможет. Партнерство протекает, если можно так выразиться, «на поверхности», в то время, как, в глубине пространства России, сохраняется базовая угроза. Можно сделать вывод, что в работах З. Бжезинского сохраняется образ России как врага.

Глубокая укорененность внутренних противоречий делает любые попытки создать в этой стране «нормальные» (западные) политические, социальные и экономические институты, которые принесут ей успех в современном мире, бесполезными в обозримой перспективе. Здесь мы не можем не отметить связи с

идеей З. Бжезинского, высказанной в его более ранних работах, что коммунизм оказался неэффективным именно в России, что связано с ее историей и культурой.

Однако, само геополитическое положение России делает ее, даже и в ситуации ее кризиса и слабости, чрезвычайно опасным потенциальным противником и чрезвычайно полезным потенциальным союзником.

С начала нового XXI столетия, общемировые тенденции и расстановка политических сил, соответственно и воззрения Збигнева Бжезинского претерпели значительные изменения. Так, в книге «Великая шахматная доска» в 1998 г. Бжезинский писал о том, что США, чтобы оставаться единственной сверхдержавой, должны взять под политический контроль Центральную Азию, в 2008 г. – о том, что у США ещё есть «второй шанс» построения однополярного мира, в 2012 г., в своей новой книге «Стратегическое прозрение» он констатирует уменьшение политического влияния США в мире и установление многополярного мира как уже объективно свершившуюся реальность.

Таким образом, в его анализе геополитической реальности является тот факт, что он полностью пересматривает своё традиционно негативное отношение к России, по его выражению, национальному государству «с весьма неопределёнными границами и непонятной национальной идентичностью».

В последние годы жизни, Бжезинский констатирует тот факт, что в настоящее время, Россия впервые за свою историю становится по-настоящему национальным государством, что является исключительно важным и в то же время не воспринимается всерьез.

Трансформация взглядов апологета «холодной войны» свидетельствует о коренном изменении ситуации на международной арене, и как показывает опыт Карибского кризиса, о необходимости договариваться со своими оппонентами. К сожалению, действующие политики не всегда прислушиваются к советам академического сообщества и экспертов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: Международные отношения, 1996. – 190 с.
- 2 Бжезинский, З. Посткоммунистический национализм / З. Бжезинский // – М.: ИНИОН, 1991. – С. 87–103.
- 3 Бжезинский, З. План игры: геостратег. структура ведения борьбы между США и СССР / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 288 с.
- 4 Бжезинский, З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в XX веке / Transl. by Larissa Gershtein. – New York: Liberty, 1989. – 275 с.
- 5 Бжезинский, З. Посткоммунистический национализм / З. Бжезинский // – М.: ИНИОН, 1991. – С. 87–103.
- 6 Бжезинский З. 1994. Преждевременное партнерство / З. Бжезинский // Полис. Политические исследования, № 1. С. 58-67.
- 7 Бжезинский, З. Геостратегия для Евразии: краткосрочные и срочные цели политики США в этом регионе / Независимая газета, 24.10.1997 г. – С. 10.
- 8 Бжезинский, З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. Уральской О.Ю. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
- 9 Бжезинский, З. Китай – региональная, а не мировая держава / З. Бжезинский // Pro et contra. – 1998. – Т. 3, № 1. – С. 27–29.
- 10 Бжезинский, З. Лицом к России/ З. Бжезинский // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1998. – № 8. – С. 15–43.
- 11 Бжезинский, З. Как строить отношения с Россией / З. Бжезинский // Pro et contra. – 2001. – Т. 6, № 1/2. – С. 27–29.
- 12 Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство, или глобальное лидерство = The choice: global domination or global leadership / Пер. с англ. Е. А. Нарочницкой, Ю. Н. Кобякова. – М.: Международные отношения, 2004. – 157 с.

- 13 Бжезинский, З. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. Ю. В. Фирсова. – М.: Международные отношения, 2007. – 240 с.
- 14 Бжезинский, З. Путинский выбор / З. Бжезинский // The Washington Quarterly. – Spring 2008. Т. 31, № 2. – С. 95-116.
- 15 Бжезинский, З., Скоукрофт, Б. Америка и мир: беседы о будущем американской внешней политики / пер. с англ. И. Е. Добровольского. – М.: Астрель, 2012. – 317 с.
- 16 Бжезинский, З. Стратегическое прозрение. Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский // Пер. с англ. М. Десятовой. – М.: АСТ, 2014. – 287 с.
- 17 Братерский, А. Неплохо, если Путин будет думать о будущем. Что Бжезинский говорил о Путине и России в одном из последних интервью. / А. Братерский, Р. Фаляхов. Независимая газета. –2017. –27 мая.
- 18 Брумберг, А. Советология и распад Советского Союза. «Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития» / А. Брумберг // – М.: Аспект-Пресс 1995.
- 19 Бусыгина, Е.Ю. Влияние конфликта во Вьетнаме на советско–американские отношения / Е.Ю. Бусыгина // Междунар. жизнь. – 2000. – N 1. – 40–43 с.
- 20 Гартхофф, Р.Л. Почему возникла «холодная война» и почему она закончилась? / Р.Л. Гартхофф // Междунар. жизнь. – 1992. – N 3–4. – 124–132 с.
- 21 Грей К. «Геополитика ядерной эпохи: Хартланд, Римланд и технологическая революция» (Gray, C. S. «The Geopolitics in the Nuclear Era: Heartland, Rimland and Technological Revolution» / К. Грей// – РусАк. –1977. – N 11. – С. 86-93.
- 22 Ефимов, Н.Н. В чём опасность геостратегии Бжезинского для России? / Н.Н. Ефимов // Военная мысль. – 1999 – № 5. – С.17-32.

- 23 Загладин, Н.В. Тоталитаризм и демократия: конфликт века / Н.В. Загладин // Москва: Кентавр. – 1992. N 7–8. – С. 47-58.
- 24 Капустин, Б.Г. Крах иллюзий или драма борьбы? (Некоторые раздумья в связи с кн. З. Бжезинского «Великий провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке») / Б.Г. Капустин // Рабочий класс и современный мир. – 1990. –N3. – С. 19–34.
- 25 Кожакин, Е.В. Россия в политических исследованиях Збигнева Бжезинского 1950–1960–х гг. / Е.В. Кожакин // История и историография зарубежного мира в лицах. – 2001. – N 5. – С. 57-72.
- 26 Коломийцев, В. Перспективы человечества: тревожный прогноз Бжезинского / В. Коломийцев // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – N 5. – С. 155–158.
- 27 Кортунув, А.В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США / А.В. Кортунув – 1993. – 484 с.
- 28 Кременюк, В.А. Клинтон и Россия / В.А. Кременюк // Международная жизнь. – М.: 1992. – N11/12. – С. 82–88.
- 29 Кузнецов, А. Геополитические перспективы России по З. Бжезинскому / А. Кузнецов // – М.: Обозреватель. – 1999. – N 7(114). – С. 30–32.
- 30 Кулагин, В.М. Мир в 21 веке: многополюсный баланс сил или глобальный Рах Democratica? / В.М. Кулагин // Внешняя политика и безопасность современной России. – М.: РОССПЭН. – 2002. – Т.1.
- 31 Лельчук, В.С. СССР в биполярном мире / В.С. Лельчук // Историки размышляют. – М.: Эксмо. – 1999. – С. 256–286.
- 32 Манекин, Р.В. Збигнев Бжезинский: Who Is Who / Р.В. Манекин, Д.В. Корнилов. – М.: РОССПЭН. – 2001. – 254 с.
- 33 Пивоваров, Ю. Политическая культура: Методологический очерк / Ю. Пивоваров. – М.: ИНИОН. – 1996. – 247 с.
- 34 Поликарпов, В.С. З. Бжезинский: Сделать Россию пешкой / В.С. Поликарпов. // – М.: Алгоритм. – 2011. – 224 с.

- 35 Рустамов, Ю.И. Роль США в системе международных отношений: (заочный диалог с З. Бжезинским) / Ю. Рустамов // Нац. акад. наук Азербайджана. – Баку: Елм. – 2005. – 201 с.
- 36 Трофимчук, Г.П. Русские Шашки: Посторонись, Бжезинский / Г.П. Трофимчук // – М.: Агентство Ударных Технологий. – 2007. – 199 с.
- 37 Шаклеина, Т.А. Дискуссии по проблемам отношений России и США / Т.А. Шаклеина // Внешняя политика и безопасность современной России. – М.: РОССПЭН. – 2002. – Т.3. – С. 215–235.
- 38 Almond, G. Political Theory and Political Science / G. Almond // The APSR. – Vol. 60. – Issue 4 (Dec, 1966). – P. 869–879.
- 39 Brzezinski, Z. America's Global Influence Depends On Cooperation With China / Z. Brzezinski // Huffingtonpost. – 2016. – 23th Dec.
- 40 Brzezinski, Z. Confronting Russian Chauvinism / Z. Brzezinski // The American interest. – 2014. – 27th Jun.
- 41 Brzezinski, Z. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power / Z. Brzezinski // New York: Basic Books. – 2012. – 224 p.
- 42 Brzezinski, Z. [Выступление на конференции] Strategic Vision / Z. Brzezinski // Center of Strategic and International Studies. – 2012. – 9th Feb.
- 43 Brzezinski, Z. Toward a Global Realignment / Z. Brzezinski // The American interest. – 2016. – 27th Apr.
- 44 Brzezinski, Z. Out Of Control: Global Turmoil On The Eve Of The 21st a. Century / Z. Brzezinski. // New York: Basic Books. – 1993. – 241 p.
- 45 Friedrich, C.J. Totalitarianism: Proceedings from Conference / C.J. Friedrich // Cambridge: Harvard University Press. – 1954. – 176 p.
- 46 Galbraith, James K. Democracy inaction / J. Galbraith // Salon. – 2004. – 30th Nov.
- 47 Graebner, N.A. Cold War Diplomacy: 1945–1960 / N.A. Graebner // Princeton. – 1962. – 295 p.

- 48 Janos, A.C Social Science, Communism, and the Dynamics of Political Change / A.C. Janos // World Politics. – Vol. 44, Issue 1. – 1991. – 81–112 p.
- 49 Jowitt, The Leninist Response to National Dependency, Research Monograph no. 37 / Jowitt // Berkeley: Institute of International Studies, University of California. – 1978. – 450 p.
- 50 Lowenthal, Development vs. Utopia in Communist Policy / Lowenthal // Johnson (fii. 40). – 1975. P. 33–117.
- 51 Mackinder, H.J. Democratic Ideals and Reality / H.J. Mackinder // Washington, DC: National Defence University Press. – 1996. – P. 125–198.
- 52 Packenham, R. A. Approaches to the Study of Political Development / R.A. Packenham // World Politics. – Vol. 17, Issue 1. – 1964. – P. 108–120.
- 53 Shoup, P. Comparing Communist Nations: Prospects for an Empirical Approach / P. Shoup // The APSR. – Vol. 62, Issue 1. –1968. – P.185–204.
- 54 Singer, J. David. Explaining War: Selected Papers from the Correlates of War Project Beverly Hills / J. Singer // Cahf: SAGE. – 1979. – 345 p.
- 55 Tucker, R. C. On the Comparative Study of Communism / R.C. Tucker // World Politics. – Vol. 19, Issue 2 –1967. – P. 242–257.